

Регина Лукашина

БЛЕФ ВО СПАСЕНИЕ

Регина Лукашина

Блеф во спасение

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36066869

Блеф во спасение / Р. Лукашина: Алтейя; Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-907030-57-2

Аннотация

Он – военный разведчик, она – бывшая радиоведущая. Странной парочке предстоит помешать заговорщикам, готовящим государственный переворот, а для этого – разгадать тайну завещания Софии Палеолог, супруги русского государя Ивана Великого. Древний путь к святыням, спрятанный на современной Никольской улице, подсказки в тексте романа «Мастер и Маргарита», мистика и актуальная политика – все это переплетено в увлекательном повествовании-головоломке.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	34
Глава 3	67
Глава 4	88
Глава 5	110
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Регина Лукашина Блеф во спасение

«МАРШРУТ ПО УЛИЦЕ НИКОЛЬСКОЙ В САМОМ ЦЕНТРЕ МОСКВЫ ПОЛНОСТЬЮ ВОСПРОИЗВОДИТ КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ИИСУСА ХРИСТА К ГОЛГОФЕ»

РОМАН-ЛАБИРИНТ

Р. Лукашиной «Блеф во спасение»

«Блеф во спасение». Роман Регины Лукашиной назван интригующе и даже в какой-то мере претенциозно. С расчетом, на то, что в сознании читателя-интеллектуала выстроятся, теснясь и толкаясь, ассоциации культурно-контекстного

характера. Они действительно выстраиваются. И чем больше и глубже погружаешься в этот многослойный текст, тем яснее понимаешь: другого названия у него просто не могло быть.

Жанр этого романа довольно сложно определить. В нем переплетены и захватывающий детектив, и пронзительная история любви, и короткие, но моментально узнаваемые бытовые зарисовки современной Москвы, и огромный исторический пласт, который переносит читателя сквозь века и тысячелетия, через страны и города.

Легко ли читается этот роман? А вот даже на такой, казалось бы, простой и очевидный вопрос нельзя дать такого же простого и очевидного ответа. Роман захватывает, завораживает, постоянно держит в напряжении – так, что его начинаешь буквально «заглатывать» кусками, едва успевая отфиксировать внутренний хронотоп текста. Но при этом сама «плотность текста» такова, что требует весьма серьезного внутреннего напряжения. Роман Регины Лукашиной не даст расслабиться – он задает высокую планку как интеллектуальную, так и эмоциональную. К отдельным его фрагментам необходимо возвращаться, порой даже не единожды – иногда, чтобы не потерять сюжетную нить, иногда – чтобы с чувством, со вкусом пережить заново отдельные эпизоды.

Психологизм и бытовая достоверность повседневности оттеняются в романе серьезным историко-краеведческим анализом – не лишенным мистического налета, но при этом

сохраняющим научную достоверность аргументации и фактологии. Маршрут по улице Никольской в самом центре Москвы полностью воспроизводит крестный путь Иисуса Христа к Голгофе. И это не метафора, не авторский вымысел, не ход для привлечения читателей – это реальный маршрут, воспроизвести который для себя в принципе может каждый. Воспроизвести – и убедиться.

И еще одно наблюдение, которое нельзя не высказать. Роман написан в буквальном смысле этого выражения – хорошим современным русским языком. Чувство слова, чувство времени (времен), точность и тонкость вербальных ходов сразу выделяют этот роман среди современной художественной литературы. Живые диалоги перемежаются повседневными бытовыми зарисовками, емкость и юмор описательных сцен прекрасно дополняют картины далекого прошлого... Хочется перечитывать, получая интеллектуальное и эстетическое наслаждение.

«Блеф во спасение» – это настоящий подарок современному читателю, в котором каждый найдет что-то свое, только ему созвучное и понятное...

Е. В. ДЗЯКОВИЧ, доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры, этики и эстетики МГИК, профессор кафедры журналистики и связей с общественностью МГЭУ

Глава 1

«Тьма, пришедшая со Средиземного моря...»

La vincita vale piu' delle regole del gioco.
Giacomo Casanova¹

Серая промозглая весна напоминала конец февраля. От камней здания на Большой Лубянке сырость, казалось, отслаивалась, ложась слоями вниз, на плитку тротуара. Казалось бы, столько потерь в жизни уже было – боевые товарищи, муж родной сестры, что влетел в мясорубку ДТП с гружёным по самую крышу трейлером. Мужские слёзы тем и страшны, что стекают внутрь души, едкой щёлочью разъедая её. Потому что добрые и внимательные глаза отца, которых ему так не хватало во время возмужания, обретённые недавно, потухли навсегда. Как же мало они были вместе... Смертельно мало. Тут, в здании в центре Москвы, оказывается, его ждали не только как сына старого разведчика. Не только ради выражения соболезнований.

– Проходи Михаил, садись, – генерал крепко пожал ему руку. – Знаю о твоём горе. Сочувствую. Говорить не умею и не буду. Ты продолжишь дело, за которое отдал жизнь твой

¹ Выигрыш дороже правил игры – Джакомо Казанова (*итал.*)

отец. Сердце не выдержало. Но он уже сделал главное. Речь идёт о серьёзной угрозе государственной безопасности. Сеть агентуры готовилась нашим противником очень давно. Ещё при Горбачёве. Сегодня всё замешано на газовом соперничестве. А для янки, сам знаешь, всё, что касается доллара, это не лечится. А тут и вовсе помешались. Любой бред не стесняются озвучить, чуть ли не про инопланетян, чтобы взбудоражить нашу не в меру впечатлительную публику. Вот, читай.

Перед ним на стол легла плотная синяя папка с резинками, снабжённая старорежимным грифом «совершенно секретно». Генерал терпеливо ждал, пока его офицер прочтёт первую страницу пояснительной записки. А Михаил почувствовал, как по его бритой макушке забегала стая ледяных пауков. Было от чего волосам встать дыбом, если бы они у него были.

– А теперь подпиши ещё и вот это, – глава управления специальных мероприятий пододвинул ему ещё и формуляр подписки о неразглашении. – Есть ещё одна новость. Твой друг жив. Но не для всех. Противник, в данном случае АНБ и NISA, не знают, что ему удалось уйти. Поэтому разработана особая схема прикрытия с целью сбить их со следа. Александра ты ещё увидишь и обнимешь. Но только после того, как это станет безопасно, не ранее. И ещё. У тебя появится напарница. Береги её. Многое из того, что нам предстоит решить, находится в её светлой голове. Или появится там.

В ближайшее время. И последнее. Ставки слишком высоки. Поэтому та сторона будет работать всеми силами – от первобытных подстав типа семейного шантажа до высокой дипломатии. Не удивляйся ничему. И действуй. Приказы будешь получать от меня лично. А оперативное сопровождение – у генерал-лейтенанта Александра.

Безутешный март царапал окно когтями ледяной крошки. Фили, изба, шубы, эполеты. Эта репродукция на стене кабинета командира врежется ему в память. Кутузов тоже заманил врага в сердце страны. И уничтожил.

Недели за две до того на французскую Ривьеру обрушилась неистовая буря. Штормовой ветер сминал море в бурые от взбаламученной тины волны, пинал рекламные щиты, заливал знаменитую английскую Queue², распугивая респектабельную публику и прижимистых туристов, экономивших средства на поездках в «не сезон». Чуть западнее весёлой Nice³ на полуострове для самых богатых и знаменитых ко-сой дождь вернул свежесть увитой плющом стене, разбросал плетёные из лозы стулья и умудрился скинуть в бассейн флюгер с крыши особняка. Всё это скоро уберёт садовник. В остальном же небольшой шале так и остался безучастным к окружающему миру, немым и почти неживым. Впрочем,

² Queue – набережная (франц.) В данном случае речь идёт об Английской набережной в Ницце.

³ Nice – Ницца, знаменитый курорт на Лазурном берегу Франции.

это лишь видимость. В зале со средневековым оружием за длинным столом, накрытым на две персоны, ужинала на редкость странная пара. Немолодой мужчина с идеально выбритым лицом, в бабочке и мягком домашнем вельвете брюк. И дама лет тридцати с небольшим. Тёмное платье без рукавов, загорелая кожа, иссиня-чёрные волосы. Её манеры чем-то отдалённо напоминали движения экзотической змеи перед атакой. Как она держала вилку для рыбы, как промокнула салфеткой рот, как опалила синим взглядом глаз собеседника. И всё же, всё же... При всей уверенности в своей женской силе, она не могла скрыть внутреннего напряжения. И даже страх.

– Ева, или Женя? Никак не могу привыкнуть... – чарующий баритон хозяина вился почти неуловимым эхом под потолком зала, так напичканного всяческими рыцарскими атрибутами, что казался запасником музея, – скоро наша грешная жизнь кардинально изменится. Второе пришествие, говоришь? Конечно, людям надо чего-то бояться, чтобы оставаться людьми. Религия – суть служение. Не важно, кому или чему. Императорский Рим столкнулся с серьёзной идеологической проблемой. Весталки, пантеоны, Юпитер, всё это к семисот пятидесятилетию Ромула изрядно одряхлело. Любому лекарству полагается срок годности. Попытка сконцентрировать духовность на новом боге Митре ни к чему не привела. История, случившаяся перед праздником Песах в гудящем улье Иудеи, оказалась всяко удобна, её просто требо-

валось немного припудрить, приукрасить и раскрутить. Мало ли больных впадало в беспмятство, мало ли в те времена не долеченных неврозов было случаев летаргии? Лазарь – частный случай. Непорочная дева родила бога? Ромула и его брата, кстати, тоже произвела на свет весталка, мужчин не знавшая. А в египетской мифологии есть эпизод, когда Изида собирает разрубленное тело своего мужа Озириса, седлает его любовным способом, появляется младенец Гор. История деревенского плотника, впавшего в шизофрению, распятого за незначительное преступление по наущению первосвященника, чтобы прочим было неповадно нести ересь, – это была бы тема недели болтовни на базаре, и не более того. Но делать деликатес из блюда для бедноты – высокая кухня и рестораторов, и пропагандистов. Казнённый, воскресший, мессия примирил поклонников других направлений, на его имени выстроили здание, кормящее уже две тысячи лет наследников авторов идеи. Тех, кто взял, отредактировал и издал евангелия. Обтёр от пыли и оправил в золото инструменты пыток, не бог вещь сколько бытовых мелочей. Ты сейчас отведала bouillabaisse⁴, что нам привезли свежеприготовленным из ресторана Micheline, так?

– Да, доктор Onde⁵... – отозвалась женщина, вращая пальцами тонкий бокал с драгоценным белым вином, – в отеле

⁴ Bouillabaisse – средиземноморская уха из нескольких сортов морепродуктов. Деликатес.

⁵ Onde – зло (датский).

Negresco⁶ его подают за двадцать пять евро. И то, днём.

– А знаешь ли ты, милая моя, что это варево изначально делали бедные моряки из отходов рыбы, не годной для продажи? Десять сортов отходов, – её собеседник тихо засмеялся и взял из лаковой шкатулки гаванскую сигару. – ты не против, надеюсь? Ямайский ром и сигара – у меня не так уж и много слабостей. Марсельские портовые рабочие ставили прямо на берегу котёл, в него наливали морскую воду и швыряли сначала морских тварей с твёрдым панцирем, после gascasse, морского скорпиона... Ярко-красная рыбина с выпученными глазами и колючками на спине втрое длиннее твоих ноготков. Туда же летела рыба Saint-Pierre, страшненькое создание с отвисшей нижней челюстью... Оливковое масло перемешивалось с кипящей водой, варили с помидорами, луком, чесноком, шафраном... Апельсиновыми корками!

– Мой отец называл это помоями, – с лёгкой иронией заметила Ева, – а рыбу Святого Петра там, где я выросла, тоже знали. Как солнечник. Ну а на родине Иисуса её называют теляпия галилейская.

– В евангелиях сказано, что эта рыба удерживает во рту монету.

– Теляпия удерживает десять шекелей, солнечник – пять рублей.

– Как ты сказала, solnecnik? – доктор сдвинул брови с

⁶ Negresco – элитный исторический отель на Английской набережной в Ницце.

брезгливым интересом. – Какой всё же у славян корявый, варварский язык. Кулинария – моя самая большая страсть, тебе это известно. Ведь сварить можно всё, если это качественная идея. Ещё раз для наглядности, ведь девочки, вроде тебя, лучше понимают картинки. Шедевр французской кухни – профессионально поданное тупым богатым гурманам питание для тюремных едоков. В Риме – та же история. *Trippa alia Romana* делается из субпродуктов. *Coda alia vassinara* – сваренный с сельдереем бычий хвост. То, что знающие люди себе не стол не поставят, то, что надо вылить в выгребную яму. Но зато какая это качественная идея!.. Прибыльная, с потрясающим коэффициентом полезного действия. С религиозной мифологией работает тот же принцип. Чем больше грязи, тем ближе к потребителю...

В рыцарском зале появился молчаливый слуга. Пара встала из-за стола.

– Ну а теперь, дорогая Ева, к делу, – пропустив её вперёд, хозяин дома вышел в оранжерею,дохнувшую в лицо запахом цветущих персиков, гнили и повреждённых листьев какого-то паслёнового растения, – мне известно, какая печаль тебя томит. Твой отец, внезапно исчезнувший из дома, действительно, скончался. Мне известно, где он может быть похоронен. Более того, позднее я даже дам тебе возможность связаться с русской линией родственников. Мы не были с ним друзьями, но я высоко ценил его талант и достижения в тех же областях знания и творчества, в каких подвизался и

сам. Однако для этого ты должна будешь выполнить ту работу, к которой мы тебя готовили много лет. Наступает решительный момент. Пусть русские, кому не откажешь в энергии и упорстве, сделают за нас всю грязную работу. И тем вырвут котлован для всех, чьё биологическое существование является избыточным для чистоты планеты и совершенствования homo sapiens.

Молодая женщина аккуратно заправила за ухо непослушный локон.

– Ты отправишься в Москву!.. – резко развернувшись к ней лицом, её спутник оказался спиной к лучам выглянувшего солнца, Еву же, напротив, заставил прищуриться от яркого света. – Инструкции, кого нанимать, когда и как – в планшете, что тебе вручит мой помощник. Но, прежде чем получить моё отеческое благословение, пойми главное... Всякая новая религия суть атрибутика, навораченная на рубище бедняка. Чтобы нищий чувствовал себя ближе к небу. Мы дадим миру новую религию, развенчав старую! Власть над миром отсеет овец от козлищ, даст новые силы природе и вознаградит всех, кто достоин лучшей жизни. Заметь, я не стал сулить тебе золотые горы. Зная, что мужчину можно купить, нанять, запугать шантажом, заманить обманом. А женщину – только убедить. Ведь мужчины – рабы фактов. Женщина живёт чувствами и сильна интуицией. Только ты сможешь так подобрать мужчин, чтобы они стали для тебя одной расходным материалом, выполняя каждый – свою часть

задачи. Скажи, что ты сама хочешь получить в награду?

– Власть над вами, – с усмешкой сказала Ева. – Чего же больше.

– Гениальный ответ, мне нравится, – доктор Onde сверкнул улыбкой в ответ и подвёл к маленькому столику из эбонита, щедро инкрустированному перламутром и слоновой костью, открыл стоящую на нём шкатулку, тускло отливающую неповторимым оттенком червонного золота. – Вот, смотри. Я специально достал это сокровище из хранилища, чтобы ты почувствовала на губах вкус великой игры, что начинается сейчас. Игры, что изменит судьбу муравейника человекоподобных, превратив его в мир избранных людей. Это единственный сохранившийся на земном шаре экземпляр. Рог единорога.

– Вы, наверное, шутите? – брюнетка повела красивыми бровями. – если мне не изменяет память, единственный экземпляр из кунсткамеры в Риме, в конце улочки Lungotevere, на поверку оказался скелетом рыбы-меч.

– Верно, верно!.. Но не совсем правильно. Экспертизу проводила наша братия, орден теодоритов. Мы, водрузившие на себя сакральную обязанность смести с земли ороговевшие ткани ненужных жизней. Зная, что этот рог – он и есть ключ к пробуждению вековых сил творения, мы заменили его на кость рыбы. Теперь в Странноприимном доме Ospedale de Santo Spirito⁷ туристам рассказывают небылицы

⁷ Ospedale de Santo Spirito – странноприимный дом Святого Духа в Риме на

про основание хранилища саксонской династией. И показывают витрины с хирургическими инструментами XVIII века, уродцами и камнями, удалёнными из почек верблюда. На самом деле обитель основали мы, а этот драгоценный рог был выкраден из Московии итальянским зодчим, вернувшимся на родину. Он был правоверным католиком и звался...

Рассказ магистра прервала трель смартфона. Едва заметно помрачнев после прочтения сообщения, он бережно забрал из рук гостя оправленный в золото и украшенный алмазами древний артефакт и уложил на место.

– Обстоятельства требуют от нас более скорых действий. Наш человек в Ватикане сообщает, что мне будет противостоять давний враг... Что ж, это в каком-то смысле приятно. Тогда в Венгрии советский капитан сумел меня обыграть, сейчас появляется возможность расквитаться. Он, между прочим, уже трижды генерал!.. Но у него есть одно слабое место – он совершенно не дорожил душевным состоянием людей, которые на него работают. Грех этим не воспользоваться, медовая Ева... Все будет так, как должно. И для тебя тоже... Ты ведь хочешь знать, кем был твой отец? Побывать снова на его похоронах. Не спрашивай, всё равно пока ничего объяснять не буду. Деньги на счёте. Ты их можешь тратить неограниченно. Твой гонорар – один миллион в случае успеха, плюс бонус – членство в ордене. И последнее. Любая история – книга жизни. Начинается всё с детской сказки, ра-

достного ожидания. Первый удар, девичьи мечты... Кажется, восьмиклассницы восьмидесятых в Союзе все как одна обожали индийские мелодрамы? Наивная романтика, несмелая любовь, благородный облик спасителя. Потом начинается взрослая жизнь – с ложью и предательством. Войной за свои интересы. Взрывавай без жалости всех, кто не принесёт более пользы, кто много знает. Эти фанатики в чалмах рассуждают примитивно, а умирать за свою веру умеют без колебаний. Кто сильнее, тот и прав. Кто умён и умеет рисковать – тот и в выигрыше. Люби себя, чтобы тебя было за что любить. Ещё пара страниц – и книга прочитана. Эпилог. Нет ничего страшнее, когда уже некого и нечего ждать. Тление и смерть. Думаю, что так будет и на этот раз, моя девочка. Но только не для нас.

Красивая, как экзотическая змея, черноволосая женщина не торопясь расстегнула пуговицы блузки на груди. Она знала наверняка, что этим дело и ограничится, ведь магистр после страшного увечья в Венгрии мог только смотреть и дотрагиваться кончиками пальцев до идеальных форм, словно до античного мрамора. Зато на время он успокоится и ослабит тотальный диктат и контроль за её действиями. Она знала, что его фамилия с датского дословно переводится «доктор зло». Но какими будут кульминация и развязка в новом повествовании о схватке за власть над миром, кем будет соперница, что даст ей сдачи со всей яростью русской отваги, Ева знать не могла.

Через два часа из аэропорта Ниццы в Москву вылетел регулярный рейс «Аэрофлота». Чёрная туча, волоча чуть ли не по самой поверхности серого от шторма моря неопрятную бахромку дождевых потоков, внезапно подобралась и полетела на северо-восток, гонимая бойким ветром с Атлантики. Уже скоро на столицу России выльется изрядная порция февральского ледяного дождя.

Есть такие истории, в которых не грех забежать вперёд. Разве менее вкусной станет закуска, следуя кулинарной логике рас-суждений доктора Зло, если заранее знать, что основным блюдом будет седло ягнёнка?

Как же уютен бывает привычный быт старых московских квартир, что лепился десятилетиями от зарплаты к зарплате, аккуратно, последовательно. Вот и в тот вечер 17 июня матовый фарфор плафона делает тёплым оттенок деревянной обивки кухонных стен. Пурпурные с золотыми цветами рюмки из бабушкиного чешского сервиза наполняют хорошее итальянское вино. Как же горько узнать, что уважаемый тобою преподаватель, научивший видеть в науке не только рутинное ковыряние в архивных фактах, но и азартный поиск, оказался не тем, за кого себя выдавал.

– Ты не способна предать, я вижу. Но и своим подчиняться не хочешь, – проговорил мужчина. – Это тупик. Так что ж ты будешь делать?

– Из любого тупика выход есть, это путь назад, – ответила

ему хозяйка уютной кухни. Женщина, выглядевшая бы почти юной, если бы не глубокая печаль голубых глаз. – У заграничных гастролёров не вышло ничего, иначе бы мы сейчас с тобой не разговаривали. Смекалки не хватило или чего-то ещё, разбираться потом будут следователи. А что если нет, и не было ничего? Тайна, которую хранили много веков, рассосалась сама по себе? Сказка о древнем ордене идейных злодеев, стремящийся весь род людской истребить. Пустышка, дым, мираж?.. Разведём руками и всё.

– Ни нашим, ни вашим?.. Идеальная тактика выживания, – в её бокал полилось рубинового оттенка вино. – Момент критический, может сработать.

– Вот именно!.. Ты же своими глазами видел камеру. Четыре стены, пол и потолок. В греческом алфавите двадцать четыре буквы. Сколько вам дают попыток – одну, две или три как прыгну с шестом? Ошибка запросто может запустить антивандальный механизм, что вообще всё заблокирует. Если уж у их инженеров были знания в области физики полупроводников, где гарантия, что лазером не долбанёт дальнобойным, как по метеориту над Чебаркулем? Я понимаю, что нашему генералу людей не жалко ради нового генеральства с полковничьими звёздами. Но взрывать проход – вообще жуть. Устоит ли на месте ось земная? Та самая, на которую земля должна была натолкнуться ещё 4 мая 1925 года... Давай выпьем. Слишком трезвыми мы стали для такого разговора, как говорил Гришка Мелехов, выясняя отношения с

комиссаром.

– Скажи честно, ты меня уважаешь? – мужчина выпил стопку водки. – Тогда просто скажи – ты ведь догадалась и про логин и про пароль.

– Миша, даже не пытайся!.. – она улыбнулась искренне, даже озорно. – Если для излечения женщины от истерики помогает её напоить и затащить в койку, со мной и другой твой номер не пройдёт. Честно хочешь? Брат моей крёстной был генералом КГБ. Так вот, однажды у неё на квартире двое его подчинённых ещё в середине восьмидесятых сутки учили меня пить, не пьянея. Через сутки я вернулась домой, потеряв килограммов пять. Но с тех пор со мной бесполезно в этом тягаться. Ты хочешь просто говорить? Тогда я тебе так скажу. Допустим, пароль состоит из одного слова, четырёх букв. В высшей математике есть дисциплина, называется комбинаторика. По формуле числа сочетаний из n элементов по k выйдет 10 626 вариантов. До второго пришествия провозятся. И те, и другие. И наши, и не наши.

– Это ты сейчас в уме посчитала? – этой паре уже явно не хватало гитары. Михаил изобразил указательным пальцем над головой что-то вроде антенны и просвистел морзянкой букву «д».

– Нет, в автобусе, на бумажке. Методом вычёркивания произведений в числителе и знаменателе. Четыре буквы – это слово НЛЮ. По-гречески – солнце, источник жизни, зодиакальный покровитель знака «лев» Кстати, очень подхо-

дит как решение того ребуса, что мы весь день разгадывали. Ну а если, скажем, это будет слово «парусник», І^ТІОООРО, там девять букв. Один миллион триста семь тысяч пятьсот четыре. Тогда и проводят тоже.

– А ты уверена, что это именно сочетания, а не размещения?

– Легче тебе от этого станет? Ну, не получилось у нас найти разгадку. И про ключ я не догадалась. А предлагаю я тебе вот что. Три месяца кряду буду делать вот так... – она надула щёки, взялась пальцам за лоб и закатила глаза, – а потом получу вольную. И лишь тогда, освободившись от посредников, кто на наших костях себе небесный Иерусалим обеспечить хотят... Особнячки в таганских переулках, разговоры об оказанном доверии. Нашли девочку!

Подняв бокал, она повела бровями в сторону телевизора, работавшего без звука, где как раз шёл выпуск новостей. Вручение каких-то наград.

– Да с тобой сам чёрт взбесится... Ты что, до самого решила добраться?

– Это проще, чем тебе кажется. Ну что, сыграем, разведчик?

– Я тебе так скажу... Мужики, говорят, с Марса. Женщины – с Венеры. Но планета Земля оказалась посередине не напрасно. Сыграем, актриса!

И что дальше? Поразмыслим? Мы ведь живём в мире иллюзий, тех образов и сочетаний смыслов, что сами для себя

создали. Как там пелось в кабацкой песенке лихих девяностых: я тебя слепила из того, что было, а потом, что было, то и полюбила? Привычка доверять первому впечатлению, которое принято считать самым верным, так как произрастает из интуиции в смеси с древними инстинктами самосохранения и продолжения рода. Так и делает из нас некто расчётливый и многорукий послушных исполнителей своей воли. Подгоняя свои действия под заранее подсунутый ответ, мы – заложники его плана. А что, если всё не так? Отринув стандартную логику, что гнала бы их, как участников крысиных бегов, по заранее сколоченному треку из дощечек и пивных пробок, наши герои только так и смогут спастись и победить.

Окружающий мир, окружающие люди, не то, что нам кажется... Трудно искать чёрную кошку в тёмной комнате, особенно, если её там нет. Почти невозможно вычислить иуду, если тридцать тетрадрахм получил ты сам в другой валюте как заработанную плату, даже не подозревая об этом.

За полтора или два года до описываемых событий дежурная смена охраны главы государства получила указание контролировать Ивановскую площадь Кремля. Через некоторое время стайка поражённых китайских туристов, не веря своему счастью сделать фотографию одного из самых влиятельных лиц планеты, наводила объективы и снимала видео. Как он шёл, знакомой всем чуть раскачивающейся походкой борца, улыбаясь и помахивая рукой в знак приветствия. Прези-

дент направлялся прямо к колокольне Ивана Великого. Открылась низкая дверь на кованых петлях, затем – ещё одна. И вот уже по узкой винтовой лестнице верховный главнокомандующий спустился в зал примерно два на три метра, где его уже ждали архиепископ Филипп, а с ним – главный археолог Москвы. Оба были заметно взволнованы. Да и нынешний хозяин главного кабинета Кремля не стал скрывать своего удивления.

– Вас можно поздравить! Назначение этих предметов описано, кажется, в евангелии от Матфея. Ковчег тоже из наследства Палеолог?

– Нам представляется, что при Иване III посредничеством его супруги в Московию от греха подальше были переправлены главные реликвии нашей православной и западно-христианской церкви. Иерусалим был под знаменем Магомета, Константинополь – тоже. В Риме правили Борджиа, запятнавшие папство явными и тайными грехами. Александр, папа, взошёл на престол в то же самое время, когда Москва уже заявила о своей независимости от орды и строила кремлёвские стены. Долгие века Боровицкий холм хранил тайну, и вот... Мы их видим. Ковчег завета, конечно, иудейская святыня. Но и он...

– Прелюбопытная вещь. Предварительный осмотр показал, что это как бы ларец, раскрывающийся, подобно лепесткам цветка. Но мы не рискнули применять инструменты, – добавил к словам первосвященника плотненький бородатый

«специалист по черепкам», кандидат наук Леонид Кондратов – в московском городском фольклоре есть предание, что ключ от сокровищницы Софии Палеолог, то есть от главной книги либереи⁸, был потерян по весне в ближайшем пригороде Первопрестольной во время распутицы. Конь пал под всадником, вещица и утонула. Допустимая зона происхождения, как мы уже подсчитали, нынешнее Садовое кольцо. Там ведь как было... За полушку на плечах грязные золоторотцы переносили прохожих на другую сторону.

– То, что сегодня завершилось божьим промыслом, может сделать нашу столицу крупнейшим духовным центром всего мира! Испанское Сантьяго-де-Кампостелла, Рим и Иерусалим до сих пор считались «осью» массовых и индивидуальных паломничеств. Теперь Москва может перевесить все. Знаете ли, какие перспективы могут открыться? Политические, да и коммерческие.

– А путь страданий Иисуса Христа в Китай-городе, действительно, был воспроизведён в иерусалимском порядке! Помнится, много лет назад слышал об этом интереснейшее выступление одной студентки на конференции.

– Всё это очень занимательно, – кивнул тот, кого часто называли вождём, – сколько вам времени потребуется на исследования? Дабы предъявить миру. – а ключик постараемся найти. Вдруг повезёт?

⁸ Либерей Иоанна Грозного – легендарная библиотека, не найденная до сих пор.

Церковник и археолог растерянно переглянулись. Много времени на такое сокровище, чтобы заняться им всерьёз до экспонирования в музейной витрине, не бывает. Но и затягивать – непозволительная роскошь. Пусть уж... Президент и решает. У него все кнопки.

– Хорошо, представьте ваши предложения, – и он кивнул помощнику.

На том распрощались. Верховный главнокомандующий задержался в сокровищнице всего на несколько минут. Но не любованию древностями был отдан этот отрезок его драгоценного рабочего дня. Ближайший помощник, дождавшись, пока даже охрана отдалится на недостижимые для слуха пять метров, спросил о чём-то «ВВП» и раскрыл тёмную папку с документами. У тех, кто с ним работал постоянно, не могло оставаться сомнений. Ледяное спокойствие и сдержанная полуулыбка говорили о том, что происходит нечто из ряда вон выходящее. И, главное, хорошего это ничего не предвещает.

Когда, дав какие-то указания, он поднялся из подземелья в опрятный кремлёвский скверик и отправился в рабочий кабинет, помощник дождался, пока осмотреть реликвии придёт ещё один человек.

– Николай, привет! – двое мужчин обменялись рукопожатиями, – как?

– Доложил, – в пустом помещении жутковато зазвучал тихий, почти шелестящий кашель помощника президента по

национальной безопасности, – имею указание совместно с тобой разработать план операции. У тебя что?

– То же самое. Поручил моим аналитикам дополнительно сверить ряд данных разных источников. Подготовка государственного переворота силами известных лиц с привлечением финансов и специалистов из-за рубежа. Время назначено до выборов, к столетнему юбилею революции. Во главе заговора – депутат Государственной Думы Андрей Мартынов, парочка министровка-питалистов. И, главное, заместитель главы администрации. Тебя, насколько я знаю, они тоже пытались агитировать. Ну как, чем вербовали?

– Ты ожидал чего-то смачного, да? Островка чуть южнее Крита, гарема. Знаешь, нет... Всё время казалось, что я это где-то слышал и читал. Родина в опасности, люди голодают, инвестиций нет, искать точки соприкосновения, менять курс на сближение с мировыми державами. Даже скучно. Реваншизм начала 90-х, только без тогдашней эйфории. Углубить, расширить, продать непрофильные активы, включая собственную совесть. Самое противное, это «заграница нас поддержит, мир содрогнётся от нашего ясновидения». Когда я заговорил о конкретных претензиях к курсу, который они хотят, видите ли, развернуть в сторону «адекватного», услышал аргумент. Хочешь – стой, не хочешь – падай. Даже запомнил наизусть. Оценка всего корпоративного сектора России со стороны инвесторов более чем вдвое ниже, чем она могла бы быть при соответствии российского фон-

дового рынка среднему уровню качества по развивающимся рынкам, как это было в 2005–2006 годах.

– Обалдеть! И что, есть, чем это лечить?

– То есть майдан, майдан и ещё раз майдан. Верхи не могут, низы не хотят. Правда, не придумают никак, что народу страстотерпцу посулить. Квартиры отдать – не, было. Колбасой не соблазнишь. Да и «без виз» в Европу не котируется.

– Говорили об отрыжке жёсткими мерами в Сирии?

– А как же! Типа, наше вмешательство аукнется тем, что рассерженные осы рванут на север. Не надо было тротилом в гнездо. Как я понял, в нужное им время частота и густота эпизодов должна стать доказательством правоты их выводов и переориентировать общественное мнение и праведный гнев. В этом вся подлость. Внешне всё будет выглядеть так, что они задобрили духа пустыни. А на самом деле аль Саиду дадут указание сделать дело до того.

– Ну а главный фигурант, тот, что претендует на скипетр, чем занят?

– Вот это и есть самое мерзкое. Тысяча уголовных дел в регионах и тут, в центре, в отношении должностных лиц не ниже вице-мэра рассыпаются на стадии расследования, до судов не доходят. Улики просто испаряются! Есть все основания полагать, что Пилат...

– Пилат?..

– Да, его так прозвали, поскольку был прокурором в прошлой жизни. У него сохранились серьёзные цепные реак-

ции с оборотнями. Таким образом, на всех потенциально полезных ему лиц он завёл ячейки-досье, фактически, с убийственным содержанием. Окажись такая папка с компроматом на столе у редактора уездной газеты, мэра на куски порвут. Откуда знаю – на одного из заместителей министра здравоохранения, бывшего кардиолога и порядочного человека прокуратору фальшивку подсунули. Так что шантаж не получился, а сам клиент прямым в ФСБ пришёл...

– Да, да, помню это дело. Еле уговорили его не подавать в суд по статье за клевету, чтобы не спугнуть раньше времени. На врача клепали, якобы он завёл себе в педиатрическом центре гарем из больных мальчиков семи лет?

– Примерный семьянин, бывший афганец!.. В общем, промахнулись. Но с сотнями прочих греховодников у него фокус проходил. Перпендикулярные семьи, прикрытые дела мажорных детишек, кому зона светила за недетские удовольствия с наездами на пешеходов. Изумруды, крысиные бега. Папочки с попочками порученцы Пилата предлагали перекупить по приемлемой цене: подписав приблизительную программу предательства. Согласие стать самым смирным из спящих агентов стратегического соперника. Ежику ясно, что из яичек с кощевой смертью Пилат целый инкубатор составил. И тем создал себе потенциал административного ресурса из целой сети запуганных иуд.

– Ты правильно понимаешь, Коля, – кадрового разведчика был мягким и невозмутимым. – 275 статья уголовного

кодекса⁹ этой компании светит сразу, не дожидаясь доказательств по прочим эпизодам. Можно было бы их взять за жабры, но не нужно. Пока не нужно. Вырывать, так с корнем. Всю сеть, плюс ослабим позиции наших заклятых друзей на мировой арене. При Андропове сняли восемнадцать министров, да ещё тридцать начальников облисполкомов. И легче дышать стало. Порядок появился. А что Сам сказал?

– Дал два дня на подготовку предложений. Сегодня ждёт тебя к себе. У меня вот такая идея, Никифорович... А не устроить ли нам им западню? Со вчерашнего вечера думаю, хотел с тобой посоветоваться. Ведь, садясь играть в преферанс по маленькой, без штанов остаться можно. Шеф тоже одобрил сам подход – займитесь их личными вкусами, сказал.

– И?.. – директор самой серьёзной спецслужбы страны вытащил из кармана пиджака носовой платок, отёр лоб, вспотевший в духоте.

– Вот этот склеп Софии Палеолог! О нём только охрана знает, археолог с группой и нунций нашей патриархии. Все под подпиской о неразглашении. Сейчас я поясню мою мысль... Можно обставить обнаружение находки так, как Картеру с Тутанхамом и не мечталось.

– Пока я тебя не понимаю. Ну, христианские реликвии. И что? Пицца для телеящиков на неделю и организация палом-

⁹ 275 статья УК РФ – государственная измена, карается вплоть до высшей меры наказания.

нических туров. Смысл? Их надо спровоцировать, заставить раскрыться, пойти ва-банк. Заявить о себе в тот момент, когда им будет казаться, что они стоят на твёрдой земле. А на самом деле – на туалетной бумажке. И взять с поличным... Пстой!

– Вот! Спасители человечества – подойдёт? И в наручники. На майдан в Киеве вынесли пропуска в Европу. В Москве, учёной и битой Москве, «курс на экономическое процветание» и «переплавим ракеты на колбасу» уже не пройдёт. Всеобщее помешательство может вызвать только то, что на первый взгляд кажется абсурдом. Как с Григорием Отрепьевым. Ведь никто же не верил, что он – недорезанный царевич. Но от Годунова тошнило так, что поляки дали денег, а народ принял самозванца.

– Неудачное сравнение. Хоругвями Москву сейчас тоже не искусишь, сколько бы народа ни стояло к мощам по восемь часов под дождём.

– Однако, чем бредовее идея, тем легче массы её могут проглотить. Это Пилат так полагает, несколько раз так говорил на совещаниях по пропаганде. Он её курирует вместе с радио и телевидением, ты знаешь.

– Да уж, накуролесил так, что профессионалов на ТВ не осталось. Иных уж нет профессионалов, а те, что остались, называют его концепцию бредом.

– Вот именно, бред! – обрадовался помощник – Нечто иррациональное. То, чего не может быть. Только такие вещи

и цепляют. Поиграем с ними. Поставим на кон то, от чего самозванец, в данном случае претендент на должность президента, не сможет отказаться. Он ведь, вроде бы, увлекается сенсациями, метафизикой? А главное, верит в неземные предназначения.

– Так точно, даже вошёл в совет директоров мистического телеканала. Это очень старое его хобби. Коллекционирует древние символы.

– Вот и поманим его... Вот этим! – опытный аппаратчик понизил голос и показал на стол с артефактами – Назовём как угодно. Хоть сачком для метеоритов, хоть бы и климатическим оружием атлантов. Верхние палаты и дверь на лестницу в склеп побелим, как было. Находки законсервируем и засекретим... Слушай, да если мы представим три плана, включая этот, на сегодняшнем совещании, хуже точно не будет. Сам его отвергнет, если что.

– Пожалуй, с этим я соглашусь. Что отвергнет. Хотя – он риск может и принять. В таком деле все средства хороши. И твой план не противоречит моему предложению. Более рациональному. Лучше две удочки забросить, чем одну. Нам надо выманить лиса из норы. Иуду из города. Где это было?.. А, Мастер и Маргарита. Разжечь аппетит? Пусть наши зарубежные партнёры бросят на это все силы. И засветятся. И всё же, всё же... Климатическое оружие атлантов и ЦРУ? Небывальщина. А ты шутник, однако!

– Да не до шуток, Никифорович. Видел бы ты, как Сам

был суров.

– В том, что ты предлагаешь, рациональное зерно – только одно. Это азарт. Выиграть можно только за счёт одного этого фактора. Геббельс, не к ночи будет помянут, говорил, что любая ложь, тысячекратно повторённая, становится правдой. Допущу, что любая ахиня, преподнесённая на нужном уровне, становится сверхзадачей. И только в этом случае ей верят, – сказал руководитель спецслужбы назидательно, сощуривав глаза с искоркой улыбки.

– Надо будет сделать так, чтобы поверили. Если команду получим. И поверят, – ответил ему коллега, и оба уже молча пошли вверх по винтовой лестнице, вившейся среди огромных каменных блоков фундамента церкви.

Через несколько часов, оформив в установленном порядке поручение президента по итогам закрытой встречи, помощник поднял трубку АТС-2 и позвонил уже знакомому нам генералу.

– Через час. У тебя. Нет, выйди к камню.

От Спасских ворот по Никольской он шёл, почти отдыхая, среди толпы в пешеходной зоне и оглядывался по сторонам, с удивлением отмечая, как, оказывается, всё верно угадала студентка одного из столичных вузов ещё двадцать лет назад. Священная улица Китай-города спроектирована копией иерусалимской *Via dolorosa*, страстного пути Иисуса Христа. В справке, ему представленной главным археологом, была лишь ссылка на вузовскую конференцию с датой, но не

имя автора доклада. Надо узнать. Срочно.

– Здравствуй, Коля! – генерал Ольгин явился по-военному точно, чуть ли не секунда в секунду. – Мне директор уже сообщил, что приняты сразу второй и третий варианты. У тебя – детали.

– Поручено привлекать лучших специалистов. Не жалеть фантазии. То, во что сразу поверить трудно, в развитии станет удивительным, а потом к этой теме её участники и во все привыкнут, признают подлинником. Компас какой-нибудь придумайте, вроде бы Леонардо да Винчи сам на токарном станке сделал. Работайте. Со сценаристом что решили?

– Есть такой. Ты, кстати, его знаешь! Работал ещё в КГБ. Сейчас давно генерал, кинодраматург, закончил факультет журналистики МГУ. Юмора и смекалки – хоть отбавляй. Опыт колоссальный. Но есть и другой вопрос, из области практической, без научной фантастики.

– Ты про ключ от тезауруса? То есть от ковчега. Надо его найти. Держи это на контроле. В рамках поставленной задачи. А одновременно мэру дано поручение. Похожее. Программа «Моя улица» включила в себя археологию.

Глава 2

«А не будет ли мне с тобой скучно, Иуда?»

Она знала, где искать. Но не знала, что именно. Он знал, что надо найти. Но понятия не имел, с какого конца огромного города начинать раскапывать и разматывать, разгадывать и разведывать. Он – военный разведчик, умеющий собственный разум превращать в холодное оружие, а сильное сердце – в термоядерный реактор, для кого временный поворот жизни к садово-огородной пассивности казался скучен непереносимо. Она – актриса, журналист, историк, легкомысленная и глубокая, проницательная и жестокая. Весёлая и беззащитная, бедовая и решительная. Как сама жизнь. Пересекись их пути раньше, оба были бы обречены на счастье. Но они были обречены на встречу в тот момент, когда оказались нужны не только друг другу. А самой судьбе. Ну, и стране, естественно.

Так с чего же всё началось? В какой момент вспыхнула та искра, что в урагане неминуемого рока распалила костёр событий? Небывальщиной ни бывшему политическому обозревателю государственного радио, ни офицеру службы специальных мероприятий, комиссованному из ближневосточного котла по причине серьёзной контузии, даже в фанта-

зиях заниматься до того не приходилось. Но всё-таки им суждено было встретиться именно ради этого. Встретиться в очередной раз данной им земной жизни для выполнения особой задачи, назначенной тем, кого принято называть то провидением, то божественным разумом. А заодно и для того, чтобы объясниться друг с другом ввиду того, что в иных мирах этой возможности у них не было.

Его звали Михаил Келебдаенен. Отца-эстонца он видел только один раз в жизни. По Skype. Тот сбежал сначала на историческую родину, а после обретения Эстонией формальной государственной независимости – и вовсе в канадскую глухомань. Так что, его судьбу и воспитание определила русская мама-москвичка, дочь замминистра гражданской авиации Советского Союза. Сначала засунула в Суворовское училище на Осташковской улице. Оттуда его забирал на выходные дедушка, дабы не мешать матери строить и рушить личную жизнь. Потом был институт военных переводчиков. Дружба с однокурсником-сиротой, хранившим в общаге под кроватью загадочное сокровище – выуженный из разрушенного подвала где-то на Солянке еще сразу после бомбёжек Великой отечественной здоровенный старинный кирпич с конусообразным углублением, откуда выглядывало нечто, тускло отливающее зеленью. Старинная бронза. Кирпич был твёрдым как гранит набережных. И двое парней так и не решились применить болгарку, чтобы добрать-

ся до его содержимого. О том, чтобы показать артефакт знаменитому академику Александру Векслеру, почётному главному археологу Москвы, у них речь зашла лишь однажды, перед выпуском из института. Но слишком быстрая отправка друга в командировку «за речку» отложила эти планы на неопределённое «как только, так сразу». Когда же пришла весть о том, что товарищ сложил там голову, Михаил завернул доверенное ему на хранение сокровище в рваную футболку и спрятал на даче у деда, не смея тронуть единственную память о первой дружбе и первой потере. Но именно с тех пор ему время от времени, чуть ли не накануне получения опасных заданий или предупреждая об опасности, стал сниться один и тот же сон... Голубые глаза и ледяной холод в них, тёмное покрывало на голове красивой женщины в длинном античном наряде. Он задаёт ей какой-то вопрос, пытается догнать в плотной толпе. Она отвечает, но скрывается из вида. Оглушительный грохот соловьиной ночи. А потом он просыпался, каждый раз в холодном поту. Так было тем ранним утром, когда готовился взрыв самолёта, вылетевшего утром с египетского курорта в Санкт-Петербург. Так было за несколько часов до того, как его отряд сдержал вырвавшийся из Ракки караван боевиков... Взрывную волну он успел обмануть. Но головные боли майору приходилось глушить таблетками. Получая из рук верховного ордена, пришлось молча улыбнуться, нормальная речь тоже восстановилась не сразу. Так ледяной весной он оказался в вынужденном отпуске на

даче деда. И, горюя вместе с постаревшей одинокой матерью о помёрзших огурцах, от нечего делать вытащил завёрнутый в рваную футболку древний кирпич...

Выйдя из вагона электрички на станции «Тушинская», он поправил на плече рюкзак с невеликой для его сложения трёхкилограммовой тяжестью и пошёл к метро. На станции «Китай-город», в переходе между рыжей и фиолетовой ветками, через сорок минут у него назначена встреча. Его будет ждать сосед по даче, отставной профессор-архивист Владимир Матвеевич, рассказавший однажды под пивко с воблой, как в семидесятые на дипломе с приятелем забрался в подвал знаменитой Синодальной типографии на Никольской. И, хотя вездесущих студентов оттуда быстро прогнали с подпиской о строгом неразглашении, а подвал опечатали, всё-таки они успели рассмотреть там за пыльными осколками колонн вход в какое-то подземелье. Из здания уж год как выгнали холодильники сетевой пивной компании, пущенной в древние помещения за деньги «прорабом перестройки» ректором Афанасьевым. И экскурсии к заветной дыре в фундаменте профессор уже водил сам, пачкая в пыли представителей верхней палаты парламента и полы рясы отца Ермогена из соседнего Зай-коноспасского монастыря. Так что «неразглашение» само по себе утратило актуальность.

Важнее было то, что немолодой учёный почти в неприкосновенности сохранил юную страсть к исследованиям и кладам, так что вполне мог помочь в разгадке и научном вскры-

тии фаршированного бронзой кирпича вместе с его исторической шарадой. Думая об этом, майор уселся на скамейку в метро и закрыл глаза... Привычка засыпать сразу, как только тело оказывается в безопасности и покое, сработала безотказно. Едва механический голос договорил «Осторожно, следующая станция Улица 1905 года», перед его глазами уже поплыли образы ближневосточного базара, где шумела разноразовая толпа. И мелькнула гибкая фигура женщины в тёмном синем покрывале, закрывающем лицо от пыли и жадных взоров торговцев.

Её звали Елена Кочетова. Французская спецшкола, потом Историко-архивный институт и одновременно стрелковый клуб МАИ и спортивные лагеря. Безвременье начала 90-х, второе экономическое образование, работа на бирже брокером... Потом улыбнулась удача. Муж институтской подружки, корреспондент радиостанции «Маяк», взял у неё интервью о специфике её модной профессии. Уже через полгода девушку и саму приняли на работу в службу информации Радио «Страна» корреспондентом. Кастовая профессия выпускала к себе свежую кровь, расцветая талантами. За четверть века, успев побывать в сорока с лишним странах мира от Кубы до Японии, облазив все медвежьи углы на территории бывшего Советского Союза, она научилась на практике тому, что ленивая схоластика факультетов журналистики никогда не предложит. Быстрота реакции, методы изучения

темы, ассоциативность. Свобода прессы тем временем сдавала свои позиции шаг за шагом. Сначала журналистов, аккредитованных при правительстве России, заперли в одной комнате, принося пресс-релизы и запретив без дозволения брать интервью в коридорах власти. К тому моменту Елена уже вернулась на радио, устав от кочевой жизни, и придумала свою программу. Без малого пятнадцать лет она вела прямой эфир о московских проблемах, чередуя глубокие философские и исторические темы с правовой дребеденью, а порой и вынужденная вещать о банальной бытовухе, вроде ремонта жилого фонда. Таковы были негласные правила. Радиопостановки, многочасовые марафоны 9 мая, самые сложные гости, когда приходилось буквально своим интеллектом и красноречием заполнять амбразуру их немоты или глупости, всё это ставшая политическим обозревателем Елена Кочетова не имела возможности записать себе в актив, когда агрессия экономистов на мастеров докатилась и до её рабочего места.

На празднование 25-летия её родного радио из бюджета Всероссийской телерадиокомпании было выделено, по слухам, четыре миллиарда рублей. Возможно, молва народная и увеличила сумму на пару порядков. Однако даже удаление пары нулей не могло отменить очевидной констатации. Эти деньги были просто разворованы. То, на что можно было купить банкет на всех сотрудников с омарами и коллекционным шампанским с приглашением оркестра Венской опе-

ры, обернулось концертом «старых песен о главном» в Геликон-опере, с дирекцией которой дружило радильное начальство, и часом фуршета в фойе той же оперы из расчёта четыре бутерброда на каждого из пришедших. Через полгода под предлогом «контроля над финансовыми потоками» общенациональную радиостанцию возглавила дама, до того много лет работавшая в конкурирующей структуре. Программный директор, ещё недавно до того приехавший из Душанбе смазливый ловкий хирург, по её поручению взялся «отрезать» всё с его точки зрения лишнее. Аналитические и просветительские программы, беседы о политике и экономике были сразу же исключены из вещания вместе с авторами. Московская программа Елены была закрыта как «избыточная», не обращая внимания на то, что оставалась последней связью с внешним миром для пожилых и инвалидов, кого радио-хирург называл «неплатёжеспособной аудиторией». Её же саму, в отличие от многих других, как ценного специалиста-универсала, не уволили, но решили понизить в должности и приказали вести рубрику о жилищно-коммунальном хозяйстве больших городов. Главный редактор и его заместитель, обязанные по статусу напомнить о её умении «расколоть в прямом эфире хоть самого чёрта и оставить на его память рог», промолчали, боясь, что открывание рта напомнит новой метле об их собственном участии в истории с многолетним распилом рекламных денег, зарабатываемых на популярности прежней сетки программ. Не согласившись

сотрудничать с оккупационной властью, Елена отказалась и подписывать соглашение на новый срок, забрала трудовую книжку и ушла в никуда. Сохранив достоинство, но взорвав за собой мосты.

«Если бы ты просидела там ещё месяц, пришлось бы увольняться по собственному желанию в ранге корреспондента, а не звезды радио. Да ещё и с истрёпанными нервами. Да ещё и побеждённой. Я сделала всё, чтобы найти работу. Но аналитические жанры журналистики вытравливаются, царствует топорная пропаганда, воющая с агитацией пятой колонны. Профанацией не могу заниматься, с предателями связываться – тем более. Но скоро рванёт, ведь эффективным менеджерам, вроде этого хирурга, скоро нечего будет продавать. Профессия возродится, надо просто набраться терпения. А пока... Пять вузов получили моё резюме и учебную программу азов практической журналистики. Есть опыт мастер-классов, у студентов горят глаза, они пишут письма ректорам, просят меня нанять... Надо только подождать. Жить пока есть на что. Не на испанские пляжи ездила каждые выходные, в Крым раз в год, накопила на чёрный день. Может быть, Марк вернётся из своей очень средней Азии, устроится тут на работу и возьмёт меня к себе...»

Отношения с государственным чиновником, сосланным руководить культурным центром при посольстве в одной из азиатских столиц бывшего СССР, длились уже так давно, что получили гриф «хранить вечно». Думая о том, что под прес-

сом служебных интриг у него, если будет предложен новый срок контракта, сработает инстинкт самосохранения, и он так же, как и она, симметрично и вчистую оборвёт концы, вернувшись в Москву насовсем, Елена вытерла слёзы вошла в вагон метро на станции «Кузнецкий мост». Туда она приехала сознательно, притащив волоком свою печаль. Там, согласно городской легенде, надо думать только о тяжёлом и больном, чтобы неприятности и горечь высосал обитавший тут по адресу земного места жительства неуспокоенный дух садистки и убийцы Дарьи Салтыковой...

... До встречи журналистки и офицера остаётся всего несколько секунд, хотя пока они даже не подозревают о существовании друг друга. Значит, это и есть то самое начало? Или всё-таки рано переступать порог настоящего, того, что дано в ощущении? Греческая мифология связала философски настоящее с единственной смертной из трёх сестёр горгон, Медузой. Прошлое и будущее бессмертны, но обе сестры обращены к человеку затылком, где не шевелятся ядовитые змеи. Прошлое нам уже не навредит, а в будущее мы смотрим с надеждой. Так не будем же спешить. Возьмём от старшей из чудовищ всё, что она ещё может нам отдать здесь и сейчас, чтобы во всеоружии сразиться с сестрой средней. Смертной. И победить её, чтобы в пока ещё непредсказуемое будущее не просочился смертельный яд...

С чего всё началось, даже после тщательного источниковедческого анализа установить не получится. Эзотерика и

эмоции, застывшая энергия человеческих чувств, что заставляют нас порой слышать незнакомые голоса или видеть чей-то растворённый профиль в отражении оконного стекла, — это всё сплетается с упрямыми документированными фактами в причудливый узор. Генетическая и историческая память, записанные, возможно, на самом надёжном носителе — ДНК. Когда-нибудь наука додумается и до того, как законами физики объяснить интуицию, зов предков и прочие неосязаемые вещи. Музыкальный перебор пальчиков лунного света по паутинным стрункам сна... Когда тело человеческое отдыхает, кровь в жилах течёт медленнее, а душа перебирает архивированные файлы, созданные ещё до нашего рождения. словно старые фотографии, сделанные цифровой камерой, которые можно вывесить нынче в социальную сеть и даже поставить метку места, как если бы в Риме нам довелось оказаться сегодня... Невинный обман! Алиби напоя, убежище, маскировка одиночества или вынужденного затворничества. Да, сейчас мы безвылазно сидим на подмосковной даче, где ураганом порвало провода, лишив электричества. Но ведь смартфон, к счастью, заряжен! Так что пусть сообщество социальной сети думает, что у нас всё в шоколаде, мы путешествуем по Европе, мы не считаем копейки на деревенском рынке, сетуя о потере престижной работы, а показываем «нос» обидчикам, тратя невесть откуда свалившееся богатство. Так с чего... Навь, фрагмент прошлого явился к Елене во сне давно, ещё прошлой зимой. Но в нём всё было

так отчётливо, что она, будучи опытным репортёром, ухватила, запомнила до мельчайших деталей наблюдения путешествовавшей «в ночном отпуске» своей души. И не только запомнила, но и изложила в тексте на компьютере, едва только выдалась свободная от реальных дневных дел минута. А вдруг пригодится? Для журналиста всякое лыко бывает в строку, как для хорошей хозяйки не востребованный месяцами кусок спрессованного шпината сгодится в пирог для внезапно нагрянувшей провинциальной родни. Да, это был сон. И она сделала вполне логичный вывод, что навеяно видение было целым букетом впечатлений: прошедшим на телевидении сериалом с историческими костюмами и почти документальной безукоризненностью если не сюжетной линии, то образов уж точно. Многожды перечитанной главой «Погребение» великого романа «Мастер и Маргарита», эпизод коего оказался не замеченным режиссёрами. Ни Кар, ни Бортко, ни даже её старый добрый знакомец, театральный постановщик Сергей Алдонин не заметили, что женщина с голубыми глазами, встреченная получателем тридцати сребреников на рынке в праздничный день, выполняла чьё-то задание. И всё её поведение говорило о том, что она предаёт предателя в руки правосудия. Ну а ещё?... Выпускнице одного из ведущих исторических вузов страны, ведущей радиопередачи, что рассказывала, в том числе, и о московском средневековье, ей, автору множества краеведческих заметок о повседневной жизни старины, всерьёз интересовавшейся

эпохой «русского возрождения», запросто могло привидеться тайная встреча в палатах на Боровицком холме. Когда силует кремлёвской твердыни ещё только вычерчивался на фоне неба.

...Диковинный зверь горностаи приятно согревал кожу рук. Тепло от натопленной печки разогнало сырость каменных палат, но тяжкая одышка всё равно не отпускала усталую грудь молодой женщины. Весна... Ни разу не пришлось ей радоваться этому благодатному времени после того, как она стала женой московского князя. Посвист стрижей в высоком голубом небе, розовые лепестки персиков и шепот морских волн, шершавые прикосновения серых камней пляжа к голым ступням. Далекое детство приходило с йодистым запахом моря, когда боярская девка приносила ей в светлицу медный таз с горячей водой, куда сыпали драгоценные кристаллы соли. И только так скрип внутри, чуть ниже горла, раздирающий изнутри её лёгкие, удавалось на время унять. Так что же было в ней не так, что светлый символ северной, диковатой, но доброй и прекрасной страны, белоствольная берёза, свадебным своим переполохом зеленоватой пыльцы травила княгиню, как ядом? София Палеолог, сидя за драгоценными манускриптами в тусклом свете восковой свечи, не могла догадываться, что спустя всего-то полтысячи лет в городе на речке Москве, где её супруг Иоанн Васильевич выстроит новую политику на востоке и победными вымпелами

взовьёт к небу ласточкины хвосты новых крепостных стен, мучающая её майская болезнь будет казнить миллионы... А называться будет по-гречески, на её родном языке. *Alios* – другой, *ergov* – действие, в сумме получается – аллергия. Да мало ли событий произойдёт до того момента, к которому она сейчас, выполняя свой долг хранительницы очага государева и народа его, протягивала руку с остро отточенным пером. Тайнописью медным кончиком по воску таблички, чтобы после монах перенёс всё сказанное на пергамен и запечатал в бронзовый цилиндр... Кирпич – остроумное решение. Вылепить его тут, у стен будущей твердыни, итальянцу Фиорованти проще, чем учить каменотёсов. Возводится быстрее, а внутрь ещё сырого керамического тайника можно запрятать всё, что угодно. И только посвящённый разгадает тайный код. Только тот, кто пройдёт по древней священной улице от греческой обители до свечки Христовой, устремлённой в самое небо... Сумею ли? Надо суметь сделать всё быстро и так ясно, чтобы воля и мольба её к потомкам были правильно поняты, истолкованы и исполнены. А физические муки, они как плётка. Подстёгивают, у них – своя роль, не разнеживайся, не расслабляйся.

А жизнь – она долгая, и болезнь отступит, едва красное лето вступит в свои права. Услышав в бронхах надсадный вой струн, княгиня снова тяжело закашлялась. Ничего, скоро это повторяющееся испытание уйдёт. Только бы не опоздал монах. Сейчас ей нужно силами своего рассуждения решить

важную задачу. Когда наступит роковой день и час в истории человечества посчитали ещё там, при дворе понтифика. Но поймут ли в Московии далекие потомки цифирь важные даты, каковыми их почитали при боярине Данииле Холмском и хане Ахмеде? Не имея пророческого дара, мудрая племянница последнего императора Византии всё ж на основе полученных ею во время обучения при святом престоле обширных знаний, да ещё разнопёрого жизненного опыта не могла не понимать, что и язык, и прочие общепринятые вещи через века могут измениться неузнаваемо. Ей не дано было знать, что принятая с VII века византийская эра летоисчисления закончится 19 декабря 7028 года от сотворения мира росчерком пера первого и величайшего из проевропейских государей российских. Да и новый год будут считать не от первого сентября, когда природа щедра своими плодами, или же первого марта, с пробуждением её от зимнего оцепенения навстречу крепчающему солнцу, а посреди лютой зимней стужи. И не тогда ли, забыв значение суммы протяжённости лет посчитанных монахами библейских событий, 5508 лет, в тысяча семисотом году, история российская влилась в мировую, приняв летоисчисление новое, разбившее жизнь человечества на «опричь и после» рождения Христа?.. Боль в груди внезапно отпустила её... Вот оно!.. Не от даты сотворения мира надо отсчитывать нужную, и не от прихода мессии в мир. Ведь все эти вехи – суть игры людского разума. Но от события земного, очевидного и всяко памя-

ного. Витая, червонно-алая с зелёным колонна у двери отразила солнечный зайчик сквозь наборное окно. Рынды во дворе пропустили кого-то к великой княгине без возражений... Монах. Наконец-то. Шевеля губами, она сжала бронзовое остриё и стала водить им быстрее. «К лету тяжкого стояния на реке Угре прибавь 538 лет. Не жди зимнего солнцестояния...». Когда, скрипнув, открылась низкая дверь, София уже встретила вошедшего гостя, стоя и нянча натруженные пальцы теплом высокой узорчатой печки. Из-под тёмного капюшона блеснули озорные агатовые глаза. Грек широко перекрестился на образа, обернулся к княгине, низко поклонился и протянул небольшой глиняный кувшин с узким горлом. В кувшине под алой печатью княжьей «пробы» что-то отчётливо булькнуло.

– Yasu, agape mu...ti kanis, vasilissa?¹⁰ Меня есть что порадовать тебе.

– Говори на родном языке, иначе мне придётся называть тебя агиос патрос. Что за лекарство ты принёс? Дорого ли пришлось отдать за смолу гор?

– Не беспокойся, медовая госпожа, – повернувшись спиной к свету, монах скинул с головы грубую ткань и показался во всей красе. Крепкий молодой парень с золотой серьгой в ухе, выдававшей киликийского пирата. Ровные белые зубы сверкнули в лукавой улыбке. – Тебе не придётся платить ни одной монеты. Это обычный русский напиток, каким поят

¹⁰ Приветствую тебя, любовь моя. Как твои дела? (*греч.*).

всех в праздник.

– Ты смеешь смеяться надо мной? – в голосе княгини не было гнева, скорее удивление. Она взяла кувшин, сломала контрольную печать и налила в небольшой кубок из чеканного серебра с чернью. – Это же обычный квас.

– Послушай, София!.. – в манерах гостя уже не осталось вовсе ничего от иноческого смирения. – Этот напиток настаивается на солоде с добавлением хмеля, значит, успокаивает любое возбуждение. Твое естество враждует с дыханием берёз, а они примирят это. А пузырьки, что поднимаются наверх...

– Довольно. Если мне поможет русский квас, он примирит меня с русской берёзой. Подобное лечат подобным, так? – почти с нежностью глядя на то, как странный монах пожал широкими плечами, какие впору были бы лихому рубаке, женщина сделала небольшой глоток и прищёлкнула языком. – Ядрен. Ну а теперь – к делу. В Николиной обители ведь не только зелье мне искали, пузырьки в квасном сусле разводили, да твои дела ночные на золото меняли, ведь так, Петрос? Пока ты по земле бродишь, братия точно скучать не станет. На камне сём воздвигну церковь мою... Но ты не камень, ты человек воды. И верно ли, что тебя ещё и Искарियो-том прозвали, как того, кто получил мешок тетрадрахм? Нет более коварного имени, да и точнейшего предостережения тем, кто тебе рискнёт довериться. Но я рискую и выиграю. Таблички готовы.

– Веру предать – душу потерять. Я вор, но не враг себе. Отец Иосиф тоже готов выполнить всё, что ты велела, – став серьёзным, мнимый монах провёл ладонью по блестящим чёрным волосам, словно в задумчивости опёрся плечом о стояк печи, наклонился почти к уху госпожи, при этом на боку его что-то глухо звякнуло. Зашептал, – будущей ночью он перенесёт третью часть перевода пророчества святого Луки на пергамент вместе с тем, что ты передашь сегодня. Реликвии храма Иерусалимского уже в монастыре...

– Так ты их сам привёз со святой горы?... Неужели все?... – княгиня от волнения подняла руки к лицу. – Не опасно ли это, все три сразу?

– Досчитай до четырёх, и тебе поможет Бог, – ладонь везучего пирата уже скользила по тафте её платья, а бархатный баритон заставлял забыть об осторожности, – не волнуйся, прекрасная госпожа. Мы плыли скрытно, ни у одного турка не возникло желания нырять в такой страшный туман, что был этой весной в Меотиде. А дольше ждать было нельзя. Тридцать лет назад султан Мехмед сожрал прекраснейший из городов мира, а его потомство успело проголодаться. Знаешь, как они называют столицу? Нее стин поли... Ты – в городе. Так им отвечали, когда они спрашивали, куда вошли. Стамбул.

– Осторожнее, Петро... – она опасливо оглянулась на дальнюю стену, откуда сквозь резные украшения мог проникнуть чужой взор. Быстро сняла с пальца перстень с яхон-

том, – возьми и уходи. Коли поможет мне твой квас, позову.

– Ещё одно только слово, госпожа... – коснувшись щекой края её рукава, грек внимательно и чуть грустно посмотрел в лицо наследнице великих тайн, – ответь мне, веришь ли ты, что мы спасем род людской и Русь московскую? Кто прочитает то, что ты сама переводила тут при лучине с языка пращуров Авраама и Иакова? Почему ты сказала мне в тот воскресный день, что судьба предназначила Иуде вернуться искупить свой грех и посадить на цепь зверя?

– Ох, умен ты... Хоть и сладок, как мёд хмельной. Потому и действую, что без веры никак нельзя. Опусы Аристотеля и Эсхила, откровения пророков и евангелистов, что даже для глаз монархов и монахов не предназначены, но потомками далёкими нашими познаны будут лишь на краю часа их рокового. Всё это скрыто в сундуках кованных... Реликвии земли святой, из Иерусалима спасённые и на Афоне прежде хранимые, на холме Боровицком в подземной пещере часа своего ждать будут. Пять веков пройдут, да шестой прорастёт. Свечку белую из камня с огнём золотым, как в индийских ведических храмах, не супруг мой Богом оберегаемый, но после него к небу построят. Самой высокой будет колокольня по всей земле русской, а золото её креста воссияет ослепительно. Пламя свечи будет сиять на солнце! У церкви Иоанна Лествичника. Чтобы Господь с неба видел, где храним им заповеданное... – княгиня перевела дух и коснулась горячей щеки своего друга, – а что же не до имени, а до прозвища,

молвой тебе данного. В одном из евангелий сказано. Женщина, что по приказу начальника тайной стражи прокуратора выманила христопродавца из города, была женой греческого торговца коврами. Звали ее Низа. Узнав от Афрания, кого её обожатель Иуда отдал на растерзание, она уж не сомневалась. Пожертвовала своей любовью и его любовью к себе. Вот они и встретятся через пять веков. И вернут себе всё – мир душе, честь и любовь. В награду за великий подвиг ради спасения рода людского и во славу Господню. Это евангелие особое, его нельзя отдавать в монастыри, там небезопасно. Попади священный текст в нечистые руки, кровь польётся.

– Так вот что гласит пророчество... – смуглый красавец касался горячим дыханием её лица, почти дотрагиваясь губами пальцев, но слова, казалось, жили отдельной жизнью, словно рассудок продолжал работу, предоставив здоровому молодому телу развлекаться самостоятельно, – узнав, что он предал учителя, она предала его. Он предал того, кто учил человечество любви, и погиб от предательства той, кого любил до последнего дыхания. А я, недостойный стать монахом, удостоюсь ли того же, что монарх?

– Ты двулик, как Янус. Петрос – камень, будь же твёрд, – византийская принцесса ушла от ответа, улыбкой всё же намекая на него, – а прозвище твоё напоминает, что предки твои в Иудее жили, хотя были греческой крови. Не прямой ли ты потомок той, чей муж торговал коврами и ездил в Кесарию? Моё же имя – мудрость. Значит, есть время всё об-

думать, пока мы не завершим дела. Так исполни предназначенное. А уж если спрошу тебя – а не будет ли мне с тобой скучно? Тогда и... Теперь же иди, пока девка боярская ни сообщила мужу о том, что слишком уж живо я исповедуюсь иноку-греку.

За окном из драгоценного византийского стекла гас майский день в оглушительных трелях соловьёв из кустарника над рекой. Не понимая и коря себя за то, что тревога об укрывании до заветного часа величайших сокровищ внезапно сменило иное волнение, великая княгиня Московии никак не могла отпустить из мыслей удивительную картину, как через чисто выметенный двор на Боровицком холме идёт статный монах в низко надвинутом на самые глаза капюшоне плаща. А из-под полы рясы выглядывает кавалерийская шпора. Перстень с камнем хитрец так и не надел, спрятал в рукаве... Осторожность не помешает!.. Маковка церкви сияла на солнце, как свеча.

Аромат лампадки с драгоценным маслом тронул ноздри Софии Фоминичны. Нешто докучная хворь оставила её, благодаря обычному квасу? Тёмные лики святых смотрели загадочно, чуть лукаво... Нет, конечно. Наверняка, храня секреты целебных снадобий, монахи Николиной обители добавили в питьё травы или настойку кореньев, не сказав ничего даже ей, супруге их государя. Она снова согрела пальцы о терракотовые изразцы богатой печки со сказочной птицей Сирин и прочей невидалью, похожей на «зверинец» барелье-

фов Дмитриевского собора в святом городе Владимире, сооружённом почти ровно триста лет тому назад... Ещё в Риме слышала она, что ортодоксальная византийская церковь строила свои храмы без стеснения на фундаментах ведических каменных сооружений старых русских городов. В Новгороде, в арабских хрониках именуемом Славней, первые соборы были построены умело, опытно, но ох как причудливо!.. Звери диковинные, черты странные, знаки непонятные, уже затертые, силком в забвение погружённые. Новая религия, как это часто бывает, без стеснения пользовалась наследием культа побеждённого, для лучшего привыкания населения. Так празднование Рождества прилепили в календарь поверх римского народного праздника зимнего солнцестояния *natale di sole invictus*¹¹, хотя Христос появился на свет в марте... А разве архитектура священных сооружений пришла на Русь нога в ногу с её родины, из Константинополя? Вовсе нет... Святая София, побитая и осквернённая, втиснутая в квадрат копий-минаретов, словно в клетку, тем и выжила, что величественна. Один огромный круглый купол в центре, кругом – поменьше. *Panteon*¹² в Риме, превращённый в христианскую базилику, был построен при Агриппе. Принцип тот же – цилиндр, накрытый щитом, словно кастрюля –

¹¹ *Natale di sole invictus* – рождество непобедимого солнца (лат.) Праздник в Древнем Риме.

¹² *Panteon* – Пантеон, храм всех богов, построен в 27 году н. э., достопримечательность Рима.

крышкой, для устойчивости и снятия напряжения конструкции – oculus в центре потолка и многоугольные углубления вокруг него. А здесь? Четверики, восьмигранники, закомары, дуги. Но главное – маковки церквей, купол а-луковицы. Она помнила, как во дворце её воспитателя-кардинала как-то принимали посланцев восточного владыки, магараджи, пославшего в дар не только мешок баснословно дорогих специй, но и изображение их храма. Золотая луковица тюльпана, готовая выстрелить в небо цветком-молитвой. Ей, ещё ребёнку, объяснили тогда, что и традиционный поклон индусов со сложенными у груди ладонями символизирует то же самое... Пламя свечи!

Только бы получилось задуманное!.. Древнее пророчество о битве зла за обладание человеком, которая неминуемо уничтожит будущее, если отсель из прошлого не выстрелит могучей молитвой, собранное по частям у трёх философов древности и проверенное в хрониках халдеев и арабских записях, – оно отправится на нужный порог реки времени. Целый год её кропотливой работы, пока супруг строил неподражаемый Успенский собор.

Сбудется ли? Великая княгиня отошла от зарешеченного окошка, откуда видны были лишь уходившие к Боровицким воротам деревянные здания «чердаков», да угол набережной палаты со столовой избой, приблизилась к образам. 18 месяцев пройдут в далеком будущем до апокалипсиса после прибытия в третий Рим, как написано у старцев, ребра Нико-

лая чудотворца. Почему третий – более или менее понятно. Интриги папского двора, лицемерие консистории, цели крестовых походов ей, выросшей близ садов Ватикана, привили немало тех умений менять «венецианские маски», что пригодились в отношениях что со свекровью, что с бунтарём-деверем. Второй Рим – Константинополь, пал 29 мая 1453 года, когда у его стен толпа опьянённых кровью голодранцев дико орала, спрашивая у несчастных жителей на ломаном греческом: «где мы?» *Eicai styn poly...* Ты в городе! Иерусалим, доверивший ордену госпитальеров своё главное сокровище, тайно сохраняемое до недавнего времени на святой горе Афон, давно утратил своё значение и как духовный центр, и как место для безопасного паломничества. Остаётся пока только одна земля на земле обитаемой. Пусть диковатая и странная, не искушённая в науках и тонкости скульптуры и стихосложения, но сильная добрая и чистая. Московская Русь.

Великая княгиня не могла догадываться, как слово её отзовётся. Лихой пират, рубака и вор, соблазнитель женщин, глубоко верующий, честный и отважный, читающий наизусть греческого поэта Омироса¹³, её сердечный друг и единомышленник, готовый отдать себя на расстрел лучниками, как святой Себастьян, за чистую веру православную, Петрос, и посетит в истории её слова о третьем Риме. За трапезой монастырской пойдёт речь о «сказании о князьях Вла-

¹³ Омирос – греческое произнесение имени Гомера.

димирских», где происхождение государей московских до римского императора Августа летописец протянул. И услышит будущий старец Филофей из уст усталого путника, тяжело опирающегося на посох, ибо битое сабельными ударами тело держало его на ногах уже с трудом: «Мы есть третий Рим, а четвёртому не бывать...». Но до этого было ещё далеко. Пока же укутывала воля государева великие соборы, выросшие при Иване Калите и Дмитрии Донском, итальянским алым кольцом крепости поверх белого камня твердыни прежней. А великая княгиня, принёсшая династии Рюриковичей кровное достоинство императоров Византии, отодвинув ткань застенка в красном углу и подняв расшитую самоцветами и дробницами пелену, склонилась у образа Agios Nicolaos¹⁴, прося защиты городу и миру.

Ну вот он, ещё один шаг к границе настоящего. И остался ещё один с её стороны, а другой – с его... Постояв минуту, состав закрыл двери, тронулся.

«А не будет ли мне с тобой скучно, Иуда?...». Елена улыбнулась своим мыслям, вспомнив, как подговорила на майские иды, во время карнавала на день рождения Михаила Булгакова, своего приятеля Тимура Орагвелидзе изобразить под фотокамеру классическую сцену. «Не выходи из образа!». Он вышел во двор по специальной лесенке из полуподвального окна, не стерев грим и не сняв костюма, ровно как

¹⁴ Agios Nicolaos – святой Николай, Николай Чудотворец (*греч.*).

она и задумала. Исполнитель роли самого Воланда в спектакле «Мастер и Маргарита», режиссёр Сергей Алдонин посмеивался их дурачеству, а председателя Массолита – Андрей Курносов охотно взял на себя ответственную задачу нажать на кнопку фотокамеры. Актёры шутят профессионально. Это уже потом мы корчили комические рожи, но первый кадр был программным. Тревожно, жадно мужчина тянется к её лицу, рука обхватывает талию, а в потемневших глазах трепещет страсть, равная боли. Она же опалена жаром желания горбоносого красавца, всё женское естество взмывает в неге и тянется навстречу, но голубые глаза смотрят надменно. Увлечь и не отпугнуть – полдела. Куда труднее устоять самой от искушения. Но тут поможет вера. И осознание того, что тот, к кого так хочется любить телом, оказал преступную услугу врагам твоей души.

«И вот ведь удивительно, и Афраний, начальник тайной стражи, и сам Иуда говорили с Низой по-гречески. С ней, женой греческого торговца, и у неё были голубые глаза. Как у меня... Надо бы подговорить Тимура нашу с ним фото-сессию повторить в полнолуние в террасном сквере напротив синагоги в Китай-городе. Надену греческую тунику. Фотографировать можно позвать профессионала-художника. Виталика Вердиша, хроникёра театра».

Человеческая мысль говорилось в одной детской книжке, это самое шустрое, что только есть во всей вселенной, скорость света по сравнению с ней – черепашии бега на фоне за-

пуска баллистической ракеты. Думая о ночи в гремящем соловьиными трелями многоступенчатом «Гефсиманском саду» напротив Московской хоральной синагоги, Елена осмотрелась в вагоне и нашла себе место точно напротив мужчины с рюкзаком в камуфляжных штанах. «Чем-то на Нагиева похож, тоже лысый как коленка... и нос прямой. Надо же, опять из сериала по Булгакову... Да Бог с ним», – подумала она.

«А ведь действительно, религии приходят и уходят, дела людские на земле остаются, – размышление вновь увело её сознание от знакомого шума движения состава в иные дали. – Поэтому любое событие, связанное с мифами вероучения, не является универсальной хронологической точкой отсчёта. Многие ли, кто не исповедует ислам, знают, что календарь хиджры отсчитывается от 622 года так называемой «новой эры»? Та или иная догма, основанная на поклонении и принятии на веру, может выйти из моды или побеждена новым учением. Застраховать религию от её отрицания нельзя. Куда прочнее то, что чувствам и эмоциям ущерба не наносит, нечто совсем нейтральное. Древние греки вели учёт исторических событий от первой олимпиады, римляне – от 21 апреля 753 года до новой эры. Символической даты, когда не очередной бог что-то создал, а человек во плоти и крови изготовил для истории событие. В том случае – внебрачный сын весталки от неизвестного отца, представившегося ей богом Марсом, Ромул, собрался с братом-близнецом и группой

бродячих наёмников, ищущих, кто дорого купит их ремесло кромсать мечом, и не будет задавать вопросов о прошлом, да и поставил лагерь на одном из самых неприступных холмов близ Тибра. Факты – самая упрямая в мире вещь. Наука давно научилась вычитать и умножать материальные свидетельства, устанавливая даты. Так что «538 лет от стояния на реке Угре» – формула бесцветная точки зрения религиозных условностей и понятная не всем подряд. С точки зрения логики и здравого смысла великая княгиня была права. Образовательный ценз давал начальные отмычки к её тайне... А впрочем, о чём это я? Снова о сне. О чём бы ни думать, лишь бы не раздирать в очередной раз язву в душе. Гречанка Низа и актёр Тимур, проектирование в XV веке священной Никольской улицы с востока на запад с символическими «остановками» страстного маршрута Иисуса, повторяющее *via dolorosa* в Иерусалиме, мысли об этом – бред, куда менее вредный для психики, чем очередной приступ плача по безработице, моём хроническом одиночестве и июньских заморозках...».

В великом романе «любовь выскочила перед героями, как из-под земли выскакивает убийца в тёмном переулке, и поразила сразу обоих... Так поражает молния, так поражает финский нож». Кажется, так у Булгакова? На этот раз гений места внёс правку в сюжет. Опустив глаза и глядя куда-то себе внутрь души, отрешённые от всего, два незнакомых че-

ловека ехали, сидя лицом друг к другу, по фиолетовой ветке московской подземки. Ехали всего одну остановку. На следующей обоим было нужно выходить. Перестук колёс вагона, изготовленного в Мытищах ещё при советской власти, стал тише и реже, и пассажиры привычно и бессознательно стали подниматься на ноги, готовясь к выходу... Вот оно, мгновение истины. Убийца потянулся к поясу.

Первобытный инстинкт успел предупредить их об опасности... И в тот краткий миг, когда ослепительный свет уже с неистовой силой и скоростью вырос за стеклом соседнего вагона, сидевшие друг напротив друга мужчина и женщина подняли друг на друга взгляд. О, непознанная вселенная психики! Словно не доли секунды, а открывшаяся дверь в иное измерение времени вместила невероятное. «На пол!..» – прокричали его глаза. Нырнув рыбкой на заплёванный пол вагона лицом вниз, журналистка закрыла голову обеими руками, согнутыми в локтях. Вспомнить, чему её учили инструкторы перед командировками в горячие точки она, конечно же, не успела. Просто внутри что-то сработало, автоматика подчинения воле того, кто взял на себя право спасать и командовать. И сразу же всё потемнело, и она ощутила на себе, ой, какую тяжесть: он упал сверху, закрывая её своим телом. Вспышка, грохот и отвратительный звук сминаемого металла, звон стекла и странный запах, всё это прошило сознание короткой очередью. Ещё через секунду раздался вой, звериный вой искалеченных живых существ. На

её локоть полилась какая-то жидкость, знакомый по занятиям в тире и новогодним фейерверкам запах хлопушек стал сильнее и смешался с душным смрадом горящей пластмассы. Но, что удивительно и странно, боли она не чувствовала. Только заныла шея, которую всё ещё придавливало тяжесть соседа-пассажира. Вагон качнулся.

– Эй, вы живы?... Что это было? – спросила она, закашлялась, – эй, наверху!..

– Пластид, девочка... Ты в порядке? – в кромешной темноте в качающемся искалеченном вагоне, полном вопящих людей, на удивление отчётливо прозвучал спокойный баритон. – Вставай аккуратно, всё в стёклах. И фарше.

Неизвестно откуда взявшаяся пыль залепила ей левый глаз. Состав выехал на свет платформы. И тут стало ясно, что взрыв произошёл в соседнем вагоне. Прыгнув на спину попутчице, Михаил спас её не только от порезов, но и от удара металлическим поручнем, который пришёлся точно по его рюкзаку. Нечто, завёрнутое в несколько слоёв махровых полотенец, спасло спасителя от травмы позвоночника. Отряхнувшись движением плеч, он протянул ей руку и помог подняться на ноги. Вокруг творился настоящий ад. Вздувшись горбом, дверь в следующий по ходу вагон выглядела как жуткая витрина анатомического театра, части окровавленных тел обрамляли оскал дыры. Всё, что происходило в следующие минуты, выходило за рамки нормального восприятия. Потом память выхватит ощущение подступившей

дурноты, руки ребёнка, кого она буквально вытянула из ямы дымящегося поролонового сидения, рыдания какой-то девицы над разбитым вдребезги смартфоном... А он, похожий на известного шоумена мужчина в кепке с рюкзаком, на диво всё время оказывался рядом. Они в четыре руки запускали сердце пожилой женщине, вышедшей из их вагона и упавшей тут же от пережитого шока.

Разрезав его десантным ножом вдоль ремень, перетягивали бедренную артерию выше колена парню, чья ступня в кезде болталась на полоске кожи. Плакать было некогда. Ужас придёт потом. «Мама, я цела, не волнуйся». Она каким-то чудом успела отправить емс до того, как в метро заблокировали все сигналы сотовых и мобильный интернет. Мамочка... Это же наш дом! Мама!

Ужас пришёл, холодный и липкий, когда по всему центру уже орали сирены скорых, а с платформы люди в униформе стали уносить раненых. К ней, перепачканной в гари и чужой крови, тоже кто-то подошёл, спрашивал, но угадать смысл вопросов по губам было трудно. Лёгкая контузия, пройдёт. Такое уже было с ней много лет назад. Перед круглой датой победы в студию к ней пригласили ветерана с целым иконостасом медалей и орденов. И лишь за несколько минут до прямого эфира выяснилось, что старик – инвалид со слуховым аппаратом, так что вопросы радиослушателей может не разобрать. Тогда режиссёр дал в наушники ей и ветерану полный звук. Передача была успешной. Но, ко-

гда микрофон был выключен, по щеке ведущей из уха текла кровь... Дошедший до Берлина танкист, увидев это, проследил за ней и прижал журналистку к сердцу, сказав, что нашу страну победить нельзя, раз в мирное время русские женщины могут вот так, просто из служебного долга. Слух к ней вернулся примерно через сутки. Стоило припомнить этот случай там, на радио, старым и новым начальникам, полгода назад? Наверное, нет. А боль о любимом радио пройдёт, это тоже контузия, правда, несколько тяжелее.

Усталость подкосила её колени, она опустилась прямо на мраморный пол, решив немного посидеть так, привалившись спиной к колонне. И потом идти... Только куда делся тот мужчина, что закрыл её собой? Ведь она его не поблагодарила толком. Какова бы ни была трагедия, нельзя терять чувство реальности, забывать о вежливости. Да, надо его найти! Если получится.

...Не может быть. Насмотревшись за свою жизнь всякого, теряя в бою друзей, Михаил отчасти отрастил себе бронезащиту на нервах. Страх спасает, в бою не боится только обкуренный смертник или клинический идиот. Страх раскручивает внимание и интуицию на полные обороты, давить надо панику, а ощущение опасности лучше мобилизует защитные силы разума и тела. Пик концентрации в этих чрезвычайных обстоятельствах для него уже прошёл, и сейчас он уже позволил рассудку выдвинуть вперёд задачу поиска женщины с лучистыми и внимательными голубыми глазами, кото-

рая как на тренировке прижалась к полу, а потом ни на йоту не впала в объяснимую истерику. Кем же она может оказаться? Почему так трудно избавиться от впечатления, что он уже её где-то видел? Взгляд цепкий, возможно, снайпер. Или следователь. Возможно, медсестра, побывавшая в зонах конфликтов, отсюда грамотные действия при оказании первой помощи. Возможно, когда-то, мельком... Нет, надо её отыскать. Оглядываясь вокруг в поисках знакомой белокурой чёлки и перепачканного в кровавой каше болоньевого жилета, выхватывая чьи-то лица из броуновского движения операции по эвакуации раненых и погибших, он её не находил. Неужели уже ушла? И вдруг холод, ледяной могильный холод проник сквозь панцирь привычки видеть смерть... Не может быть. Невозможно поверить. А ведь это не Сирия или Чечня середины девяностых, это центральная станция метрополитена столицы, где камеры в каждой дыре, а на входах стоят рамки металлоискателей. Вашу мать, тоже деньги пилите?

– Владимир Матвеевич!.. – резко вскочив на ноги, она кинулась вперёд, ещё переживая, ещё надеясь. Уже знакомый ей мужчина нёс к эскалатору на руках профессора архивиста, известного краеоведа, научного руководителя её диплома. Одного взгляда на его грудь, залитую кровью, достаточно было для того, чтобы понять, история его подошла к трагическому эпилогу. Положив ладонь под затылок раненого, она приблизила своё лицо к его побледневшим обескровлен-

ным чертам почти вплотную. И тут, невероятно, еле живой пожилой человек, натужно вздохнул, очнулся.

– Ты, деточка? Жива. Поверь ему... – шелохнулись губы, – помоги...

Одними глазами показав ей на Михаила, который осторожно опускал профессора на носилки подоспевших медиков, умолк, обмяк. А майор, ещё не успев совместить в котле осмысления все новые продукты, сделал то, что в этот момент было нужнее всего.

Взял за плечи пока ещё не знакомую, но уже дорогую ладошку в свою руку, и повёл к лестнице на выход из мрачного, пахнущего бедой и гарью подземелья. И только оказавшись на углу Солянки и Китайгородского проезда, возле кривой колокольни храма Всех святых на Кулишках, они остановились и присели на прохладный по периметру спуска в подземный переход, чтобы собраться с мыслями и прийти в себя.

В фиолетовых сумерках прохладного летнего вечера уже зажигались рекламные огни. К месту трагедии оперативно съезжались спецслужбы и торопилось телевидение. А ни бывшей журналистке, ни офицеру секретного подразделения никак не улыбалось сейчас нарываться на расспросы коллег.

Глава 3

«За город, слушать соловьев»

Мясорубка, устроенная живой бомбой, оружием в руках неутомимой силы, поставившей перед собой задачу выжечь «извращения» человеческой природы, расплодившиеся в виде дозволенного вожделения собственного пола, бесстыдства женщин и ненасытной индустрии пороков. Выполнила ли она свою задачу задуматься всех, а не только тех, кто «неправедно» тратил самое ценное, что есть у человека, время его жизни, гоня себя в небытие с каждым глотком экстаза баров, с каждым звуком музыки без мелодий, давя педаль железных зверей на дорогах с истерическим восторгом гордыни? О, нет и нет... Ислам проклинает убийц невинных. А гонщики на колесницах стоимостью в годовой бюджет городка вроде Старой Ладogi, куклы в юбках короче ногтей, потребители элитных удовольствий и те, кто защищает их покой распределением экономических благ, они о теракте узнают лишь из социальной сети, куда выложат очередную порцию его косвенной причины. Пожилая женщина, ехавшая подменить измученную дочь у кровати малыша, ревущего день и ночь из-за режущихся молочных зубиков, не пострадавшая от болтов и осколков, но умершая в больнице от гипертонического криза. Возвращавшийся с дежурства ин-

женер по обслуживанию зданий. Продавец из магазина для садоводов, разносчик осетинских пирогов, студент-филолог, профессор-архивист... Убитые и искалеченные, потерявшие сознание от потери крови и навсегда потерявшие покой, они-то уж точно не подходили под адскую теорию прореживания населения земли от тех, кто зря коптит её атмосферу. Когда бешеная лисица заходит в деревню, её необходимо убить. Но кто-нибудь когда-нибудь слышал о терактах на пляжах Майями или в ресторанах *après sky*¹⁵ фешенебельного Давоса? Там всё тихо, всё в порядке. И закрадывается странная догадка: а не это ли «око урагана», тайфун-до, где и сосредоточен интерес в происходящем? Общественный транспорт перевозит простых и... смертных. А секс и страх – сильнейшие инстинкты, безусловно заставляющие людей раскошеливаться. На этом строится любая реклама, все политические программы, доходы международных холдингов и бюджетные статьи целых государств. Наверное, в консерватории надо что-то подправить.

Думала ли об этом Елена, пока незнакомый мужчина с серым от пыли лицом вёл её подземным переходом против потока бегущих людей, подальше от места чрезвычайного происшествия с не менее десятка жертв? Да нет же. Отрывочные мысли роились в голове, широкими мазками – образы. Дрожь бросалась нервным ознобом откуда-то из-под

¹⁵ *Après sky* – после лыж (*франц.*) – развлекательные мероприятия на элитных горнолыжных курортах.

диафрагмы и отступала. Чётко выполняющий свои обязанности рассудок подсказывал, что это шок. И как только она окажется в безопасности и одиночестве, запоры на эмоциях как один лопнут, рассудок сдаст вахту, и начнётся настоящий кошмар.

Холод мрамора всё-таки проник сквозь джинсы. Он сидел рядом молча, спустив с плеча рюкзак, смотрел вверх голов суетящихся спасателей, тут же у входа оказывавших помощь вынесенным на носилках раненым. Фургончик с крупной надписью «Россия» и тарелкой наверху затормозил в начале улицы Солянки практически одновременно с подъехавшим чёрным внедорожником с синим «ведерком» на пружинке, высунутым на крышу и громкоговорящим номером «АМР». В этот момент и стало понятно, что случайные попутчики, закономерно помогавшие друг другу и окружающим в условиях экстрима, в эту секунду вечности оказались рядом не случайно. Они просто подняли друг на друга глаза, и всё стало понятно без слов. Обоим надо делать ноги.

– Вы тоже в розыске?.. – неожиданная шутка спутницы поразила его до глубины души. Здоровая реакция психики, свидетельство изрядного опыта во всяких переделках, сила воли? Конечно. Но где он мог её видеть... О, точно!

– Не могу же я допустить, чтобы вы оказались на stand up¹⁶ с чумазым лицом, – усмехнулся он своей догадке и буквально-

¹⁶ Stand up – корреспондент в кадре, форма подачи информации в телевизионном репортаже.

но потащил девушку за собой через дорогу в переулок. Наблюдательность его собственных коллег, что уже вышли из салона внедорожника, в сравнение не шла с жадной репортёров поймать кого-то быстрее для более или менее внятных слов на камеру. И уж точно докладывать кому-то из начальства о том, что обстоятельства взрыва ему доложить нечего, за сутки до прихода в «кадры» расписаться за новую звёздочку подполковника было б нежелательной деталью досье. – Я Миша.

– Я – Лена, – проговорила она, поспевая за командиром вприпрыжку, – спасибо вам за... За там, в вагоне!.. А в телеящик мне и правда, сегодня не хочется сыграть. Спасибо вам, вы мне, наверное, жизнь спасли. Но откуда?..

– Не за что, – наконец-то они остановились у границы пешеходной зоны улицы Забелина, посмотрев друг на друга внимательнее. Белокурые волосы, собранные на затылке во французскую косичку и опущенные ниже шеи на свободу конским хвостом, ярко-синяя трикотажная блузка под стёганным голубым жилетом... Не из-за этого ли сочетания цветов такой удивительный цвет глаз, слово само море переливается в них? Подтянутая стройная фигура, обтягивающие джинсы, белые мокасины – лет тридцать пять, не больше. Но всё-таки глаза выдают. В них глухая боль. Не сегодняшняя, старая и усталая. Боль на полвека жизни. Свежие полные губы, не знавшие косметолога, кожа гладкая, как у школьницы. А в проборе на голове – не отросшие темноватые корни волос, а

чистое серебро седины. Что же ты пережила, девочка?

– Да не трудно было догадаться... Едва вы увидели микрофон, появились титры «беги, кролик, беги». А я не в розыске, скорее, наоборот. В отпуске из него.

– Следователь? Тоже можно было догадаться по действиям там, – Лена улыбнулась ему со всем очарованием, допустимым в этих обстоятельствах. А ведь красив, что греха таить. Наверняка, тоже женат. Скроен атлетически, по речи судя – очень неглуп, по действиям – ещё и порядочный человек. Глаза как стальной клинок. Ведь у рыси глаза жёлтые? А-то бы сходство полным было, – спокойные, очень внимательные. Чувствует свою силу, не бравируя ей. Выше меня на полторы головы, значит, метр восемьдесят пять. Одет как охламон – кепка несусветная, ботинки военные, футболка, штаны защитные. Но ведь и с рюкзаком, не иначе, с рыбалки едет. Для грибов ещё рановато. Зачем ей нужны были все эти выводы, она и сама не понимала. Вероятно, сам мозг выбирал те темы для размышления, что могли бы сгладить афтершоки¹⁷ пережитого давеча в подземке. Отвлечься, отвлечься... – Вы рыбу наловленную, наверное, там оставили, в метро? Не мудрено. Ну, спасибо!

Как удержать её? Чем? Почему журналистка Лена, невестка как и зачем оказавшаяся на месте трагедии, сразу и крепко зацепила не сколько мужское его воображение, но душу, знающую о нас самих больше механики разума? Перепачкан-

¹⁷ After shock – повторные затухающие толчки после землетрясения.

ные, не замечаемые ни полицией, натягивающей ограждение лент в пяти метрах ближе к метро, ни растущей на глазах толпой зевак, они стояли в центре вращающегося хаоса как речные пороги, обтекаемые им и ждали от неба простой под-сказки. Как и какими им обоим быть друг для друга? Слова благодарности уже произнесены. Внешний осмотр произведён – разные как и положено по законам диалектики, удалось ли им заметить, что едины они не только в почерке породы аристократических черт лица.

– Не было никакой рыбы. Может быть, вас проводить? В таком виде у усиленных патрулей могут возникнуть вопросы. А вы, я заметил, их не очень любите. По фиолетовой ветке, надо думать, сейчас движение прекращено. Из центра можно выбраться, если дойти до Лубянки или до бульваров... – всё больше чувствуя себя пионером, стесняющимся предложить однокласснице донести портфель, без пяти минут подполковник лихорадочно искал выход.

– Да нет, спасибо... Пешком дойду, дворами, выросла в этом районе, – словно канатоходец, она балансировала между стремлением сохранить лицо и искушением плюнуть на всё и завести мимолётное знакомство. Ведь он человек воспитанный, правда? Он из вежливости предлагает проводить. И на чашку кофе проситься не будет. Так зачем разочарование? Она улыбнулась ещё шире, протянула ему руку, с силой сжала большую и тёплую мужскую ладонь своими заледеневшими пальцами. Сделала шаг в сторону, ещё один...

– Низа!.. Куда же ты идёшь? – раздался его голос.

Гром среди ясного неба. Словно снова взрыв раздался. Только теперь уже в душе. Этого не может быть. Точнее – было. У Булгакова. Там, когда присланного к ней «по дельцу» демона отчаявшаяся женщина приняла за «новую породу уличного сводника», он процитировал вслух фразу романа её пропавшего в небытии мастера о тьме, пришедшей со Средиземного моря. Обгоревшие страницы тетради, засушенная роза. Но мысли? Мольбу дать ей дышать воздухом... Это нельзя было подсмотреть или украсть.

Поражённая этим громом, Лена заметила за собой странную слабость. Ноги отказались повиноваться ей, она не могла даже дотронуться пальцами рук до висков, чтобы понять, не кажется ли ей это всё, не стала ли слуховая галлюцинация следствием бара-травмы, лёгкой контузии, психологического оттаивания после пережитого шока. Неужели всё наяву? Маргарита в романе, заподозрив домработницу в шпионаже, убедилась в ошибочности версии, как только Азазелло процитировал ей её мысли. А здесь и сейчас при допущении простого совпадения, того, что попутчик видел в Facebook¹⁸ её фотографию с актёром, разыгрывающими сцену из спектакля, ничем рациональным нельзя было объяснить тот упрямый факт, что вопрос был произнесён по-гречески.

¹⁸ Facebook – крупнейшая международная социальная сеть.

– Пу пас, Низа¹⁹? – а ведь его лицо совершенно спокойно. Ни рога над бейсболкой не выросли, ни света нимба не заметно. Только взгляд твёрдый, напряжённый. Не отпускает, словно от этого зависит большая суть.

– А, нее эсу, Иуда, – сами собой потекли слова на певучем наречии понтийских элинов, – кэ ден се анагнописа аме-сос... Иуда, что за бред?

Мужчина сделал к ней быстрый шаг, взял за плечи, притянул к себе.

– Ну всё, всё... Не волнуйся. Никакой это не бред. Надо было сразу сказать, но чушь сваял, прости меня, Леночка. Получилось как в дешевом детективе про шпионов – пароль, отзыв. Ты Фролова знаешь, так?

– Писала у него диплом, потом приходил в студию, – ещё растерянная, она всё же почувствовала облегчение от того, что эзотерика в ситуацию пока влезла не с ногами, а всего лишь помахав дымным факелом в зеркале сбоку, – это он позвал меня сегодня в кофейню в сером доме на Солянке. Хотел с кем-то познакомиться, просил помочь разобраться, потому что он сам в Кафу на раскопки собрался. Его ведь, вроде бы, в Склифосовского увезли, спасут?

– Лёгкие продавлены вроде, Будем надеяться, ведь эвакуировали почти сразу... Кофейня эта вот она, но сегодня не до неё. Познакомить профессор тебя хотел со мной, хвалил твои широкие познания и азарт исследователя. А сцена эта

¹⁹ Куда ты идёшь, Низа? (*греч.*) – А, это ты, Иуда, я не узнала тебя сразу.

из «Мастера и Маргариты» и сам не знаю, почему на ум пришла. Мы ведь в двух шагах от маленького Иерусалима, сквера нового у синагоги.

– Ух, камень с души... Я уж думала, крышу пора латать, – она закивала головой, улыбнулась ему снова, уже как доброму знакомому, – слишком уж много на сегодняшний день. Мне бы надо добратся до дома, позвоню маме с городского, чтобы она не пугалась телевизора. И в стирку всё это. Но о чём?

Михаил слегка нахмурился, соображая. Загрузить её сознание сейчас темой для активного размышления, чтобы вытеснить кошмарные картины из метро? Нет уж, пусть сначала отдохнёт и выспится дома в тёплой постели после горячего чая с мёдом. Да и у него найдётся, чем занять себя до вечера завтрашнего дня помимо визита в тыл родной конторы за новыми погонями. Однако намекнуть на то, что продолжение их общения будет интересным для обоих не только с точки зрения романтической, стоит уже сейчас. Женщина такого склада отобьет любой штурм и выдержит осаду, но откроет ворота крепости только другу. Он показал глазами в сторону террасного сквера.

В фиолетовом небе стали зажигаться первые звёзды. Бокковой переулочек, казалось, отделился от кипящего возбуждением, оглушенного горем города немой тишиной испуга. Там почти никого не было. И только какая-то полная дама, оставив палки скандинавской ходьбы, сидела на ниж-

ней ступеньке у самого фонтана, вытянув ноги и ожидая чего-то. Вскоре стало понятно, чего. Сверху, от походившей на «страшную Антониеву башню» руины общежития министерства образования, не то с ветки разросшегося тополя, не-то из куста сирени раздался праздничный, разбрызгивающий капли лунного света, звон хрустальных бубенцов и треск веток в костре любовный призыв соловья.

Забравшись на самый верх, в круглую беседку, сообщники чего-то пока ещё неведомого как по команде оглянулись назад, словно бронзовые бюсты правителей России могли их подслушать. Бюсты, облик которых грузинский мастер делать шашлыки для начальства, согласно мнению знатоков, просто перелепил ото всюду, включая галереи коллег и общеизвестные памятники, вроде Медного всадника. Но ни Рюрик, ни Анна Иоанновна оглядываться на уединившуюся летним вечером парочку не стали.

– Мда... Всё прямо одно к одному, – буркнула журналистка, – апогасизо на февго апо тин поли, на акроасоме та аидониа...

– Решила уйти за город, слушать соловьев, – отозвался Михаил, – только не акроасоме, а просто акуо... Не удивляйся, я немного говорю по-гречески. А у Низы были голубые глаза, как у тебя. Ничего, что на ты? Вот, смотри.

Он выудил из рюкзака немалый куль из махровых полотенец, размотал и показал ей старинный прямоугольный кирпич, поперёк которого змеилась трещина, а край был сколот.

Оттуда торчал кончик зеленоватой окиси меди.

– Ничего себе!.. – выдохнула Лена, проводя пальцем по древности, но думая о целом рое обстоятельств. О том, какой рок их свёл, почему редкий язык и редкий литературный сюжет тоже стали их общим знаменателем.

– Трещины не было, – заметил майор, – на нас сверху упала балка.

– Полотенца, видать, спасли... И кто так закутал кирпич-то? Видать, о тебе кто-то молится ежечасно. Тут печать... К фонарю поверни чуть ещё. Великий князь Иван Васильевич. Таких в отечественной истории было всего двое. При Грозном уже использовался двуглавый орёл с опущенными вниз крыльями, византийская символика. Сейчас флаги чёрно-бело-жёлтые, как и российские монархические, висят над дверьми всех церквей современной Греции. Но Грозный в ранней молодости принял царский титул. Тут же – не изображение всадника, поражающего копьём змея, а лев... Душащий змею. Что могу сказать? Кирпич клеймен до 1497 года при Иване третьем. Откуда?

– Откуда дровишки, хочешь спросить? Спасибо маме, подложила мне под спину мягонькое в рюкзак, как с дачи вёз, – довольный её любопытством, он ответил на намёк. – Кирпичом тётка товарища моего ещё после войны в кадушке капусту придавливала, а достали его из подвала тут рядом, в сером доме на Солянке. Вроде, и ход подземный был... Но замуровали и сделали подземный паркинг для избранной

публики. Как думаешь, ценный он?

– Кирпичное производство Герасима Герасимова, клеймёное купцом, уж на что широко было, и-то пользуется спросом среди любителей свой быт украсить редкостями. В коттедже в камин втиснуть, скажем. А у твоего край битый. И там внутри что-то.

Вижу, что не глина тебя к профессору привела, – Лена смотрела на нового знакомого с возрастающим интересом, понимая, что он только прикидывается человеком мало сведущим, – тогда что, вскрыть его хочешь, да не решаешься повредить музейный экспонат? Кирпичи эти легко восстанавливаются, таков материал. В подвале взяться мог откуда угодно, в тридцатые туда интеллигенция стаскивала всё, что летело вверх тормашками при взрывах храмов и монастырей. Стены кремлёвские, при Иване Великом построенные итальянцами, не тронули. Но Чудов монастырь разобрали, он был к тому моменту давно закрыт и обветшал без монашеского надзора.

– Чудов монастырь в Кремле? Пошли, всё-таки провожу тебя чуток... – помогая ей подняться, он обратил внимание, что девушка слишком устала. Такси ловить было бессмысленно. Четырёхколёсные животные с говорящей головой безвыходную для жителей ситуацию использовали плотоядно, чуть ли не с кровью драли дикую тройную цену. А волонтеров просить было не удобно – их помощь требовалась не уставшим, а потерпевшим.

По крутой лестнице во дворик с детскими тренажёрами, оттуда опять вверх к трёхэтажному жилому дому с белыми стенами, мимо каменного забора и бюста Мандельштаму в крошечном сквере, где на скамейках вечно отдыхали почитатели его таланта без определённого места жительства. На Ивановскую горку между храмом Владимира Святого, знаменитого своей акустикой эффекта вмурованных под потолок пустых горшков, и громадой женского монастыря, где жила и кроткая внебрачная дочь императрицы Елизаветы, и грызла стены темницы, беременная от стража, сошедшая с ума кровопийца Салтычиха. Дальше, дальше... Вонзился в небо лютеранский шпиль, сладко пахнут в парке Морозова отцветающие каштаны. Тоненькой, известной лишь собачникам, тропкой-тайной к Покровским воротам. Блики фонарей на глади Чистых прудов, покачивается сонное семейство оранжевых огарей с пушистым выводком. В перекопанный кротовой шизофренией мэра Большой Харитоньевский переулок... А он всё слушал и слушал музыку её голоса, голубоглазой женщины с пружинистой, почти танцующей походкой. Словно не по тревожной неспящей Москве шли они, а за стены города, где у масличного жома оглушительно празднуют свою свадьбу соловьи.

– Чудов монастырь при Иване Великом ремонтировали, подправляли. Так что твой кирпич запросто мог залепить какую-нибудь дырку. Ведь перед строительством Успенского собора в Москве даже землетрясение было. А самую оби-

тель основал митрополит Алексей в 1365 году в честь легендарного события. В Орде ослепла на нервной почве из-за вражды сыновей великая ханша Тайдулла. Алексею пригрозили: не вылечит – московскую землю огню предадут... Он брызнул святой водой, возможно, ещё что-то сделал. Но факт исторический состоит в том, что в конце ноября на собор Архистратига, чьим именем тебя назвали, Михаила, прозрела мать хана. И в благодарность в дар Алексею отказала земельный участок своего личного двора на Боровицком холме. Двор был так обширен, что на нём поместился монастырь. Чудов. В нём в истории много кто перебивал. Лжедмитрий учился, Ермогена уморили.

– А о чём ты писала диплом у Владимира Матвеевича? – майор вдруг вспомнил, где точно видел лицо своей проводницы по истории не в грёзах о первой мата-хари христианства, выманившей Иуду в соловьиную ночь, а на телевизионном экране. Они прошли мимо памятника Ленину-гимназисту со следом сварки на шее. Этот след появился после, воистину, мистического события лета 2008 года, когда в годовщину расстрела царской семьи пресса и эксперты пузырились дискуссией о том, кто отдал приказ на ликвидацию. В ночь разразилась сильнейшая гроза, и старый ясень во парке бывшего городского дворца пионеров буквально треснул от удара молнии, рухнул на памятник и буквально снёс ему голову... Она, Елена Кочетова, жила в паре минут ходьбы от места происшествия, увидела упавшего бронзового вождя

пролетариата утром по дороге на работу, вызвала по телефону коллег с телекамерой и дала репортаж в прямом эфире. Специальности журналистов в рамках единой профессии взаимопроникающие. Газетчики комментируют всякую всячину на радио, собственные корреспонденты ТАСС за рубежом пишут статьи в журналы. Почему бы радио-ведущей не рассказать зрителям о странгуляционной борозде на бронзовой шее объекта советской идеологии? Времена и политические моды меняются, спрос на знания может спадать. Но законы физики и логики отменить не получится. Всё развивается по спирали.

– Диплом мой был вполне себе прилизанным, – призналась Лена, – роль информационных технологий в обеспечении советской пропаганды. Жаль, не успели внедрить. Не боялись бы мы тогда всей страной, что лучший министр финансов увеличит в родной стране пенсионный возраст, чтобы американцы его и дальше хвалили. А с Владимиром Матвеевичем на другом сошлись. На филологии. Язык любого народа – сундучок сокровищ. Если историю можно ещё переписать, этимология всё расскажет. Монах и монарх – однокоренные слова. Этот – отшельник-одиночка, тот – единственный властитель. И Рюрик не править в Новгород был приглашён, не как монарх, а всего лишь служил со своими товарищами наёмником как руководитель службы безопасности.

– Вот это да! – поразился Михаил. – Так что же выходит,

князь...

– Князь, и это написано в академическом словаре русского языка 1985 года, – подхватила она, – всего лишь вождь племени и предводитель войска. В те времена купеческая богатая республика могла себе позволить позвать для защиты профессиональных воинов, как это сейчас происходит с крупными корпорациями. Читать летопись надо буквально. Он был призван не править, а на княжение. Ломоносов именно поэтому башмаком в своего противника научного, в немца, и запустил. Но, увы, его труды по истории после смерти нашего светоча эти самые академические немцы и разбирали. И до сих пор нормандскую теорию импортирования государственности на Русь либералы отечественные облизывают как кристалл истины. А Рюрик – прозвище. Всем известна легенда об основании Рима. Эней, двоюродный брат Гектора, взял меч Трои и поплыл на запад. Высадился недалеко от устья Тибра, был принят дружелюбным царём Латинном и женился на его дочери. Через четырнадцать поколений его потомок Нумитор царствовал в столице Альба-Лонге, месте, и в современном Риме не потерянном. Но доброго правителя сверг его злобный брат Амулий, да ещё и приговорил к девственности племянницу Сильвию Рею. Та, надо полагать, была не промах, и в весталках засиделась недолго. От неизвестного отца, представившегося богом войны, родила близнецов. Ромул и Рэм жестоким дядей были брошены в разлившиеся воды Тибра, кстати, реки весьма бурной, мутной,

грязной и порожистой. Всякая гадость по ней с гор сливается. Но корзинку из этой жижи выловила...

– Волчица?... – ввернул благодарный слушатель, покорённый игривым тоном и юмором экскурсом в популярную мифологию.

– Так авторы анналов, по-нашему говоря, летописей, договорились ради благопристойности всей ситуации. Как и на счёт Марса, а не заезжего парня с большим мечом и наглостью. По латыни *lupa* – волчица, *lupana* – дама с пониженной планкой социальной ответственности. Слова однокоренные. Четвероногая хищница выкормить младенцев ещё могла, если волчат потеряла, как у Киплинга, но с царским пастухом Фаустулом точно договориться не могла, отдать их ему на воспитание... Короче. Возмужав, опять-таки от кого-то с даром речи парни узнали о своём благородном происхождении, свернули шею дяде и вернули дедуле престол. Сами же под его опекой жить не захотели и поставили лагерь на Палатинском холме... Рассказать, причём тут Рюрик?

– Обязательно, – потребовал Михаил, хотя они уже вошли в тенистый двор семиэтажного дома с явными признаками конструктивистского стиля. Дома, который показался ему очень знакомым. Тоже картинка из альбома мастерской архитектора Мельникова? Дом старых большевиков 1934 года? Нет, всё-таки строительная эстетика не главное. Он бывал тут раньше.

– Рюрик, он же Жора, он же Гога... – Лена остановилась

у подъезда и потянулась к сумке за ключами. – Мы с профессором изучали источники и нашли немало упоминаний о том, что балтийские славяне нередко жили тем же отхожим промыслом, что и легендарные скандинавские бандиты. Варяг – это название такое же лингвистическое недоразумение, как и привычка всех степенных учёных считать, что викинги – это народность.

Ан, нет. Это клич их боевой, прозвище, самим себе данное. Ви-а-кингз²⁰. Мы – короли, господа потерпевшие. Двигайтесь со скамеек, отдавайте лучшую еду, дома и баб. На берегах Балтики жили курши, воинственное племя, называвшее свою родину Курземе. Слышишь славянские корни, да?

– Курляндия – земля курши, – заинтересованный ещё более, он кивнул.

– Что уж там произошло на берегу речки Лиелупе, где сейчас стоит себе прежняя столица герцогства Курляндского, город Митава или Елгава. Стоит у остановки электрички в полчаса езды от Риги, с обветшавшим дворцом Бирона и церковью Аннас. И оттуда, с территории современной Латвии, взяв с собой, как и Ромул, группу товарищей с зыбкими понятиями о морали, зато с навыками обращения с холодным оружием, отправился искать заработков на восток. И дошёл до премилого местечка под названием Ладога, где и стал лагерем. Поживиться там было чем: место

²⁰ We are kings – Лена имеет ввиду фонетическое совпадение слова викинг с этой фразой (авт.).

поклонения славянской богине любви и красоты не скудело подношениями. Ребятки охраняли волхвов, дары природы и символы плодородия. А заодно и любовались на обряды девушек, изображавших Ладу, золотоволосую красавицу в жемчужной одежде, венком роз на голове, держащей за руку мальчугана, сыночка Леля, считавшегося покровителем влюблённых...

– Амурчик? – догадался Михаил, ощущая желание прикоснуться рукой к убранным во французскую косичку золотистым шёлковым волосам своего лектора, – рассказывай, безумно увлекательно, честное слово!

– Скоро сказка сказывается, – Лена наклонила голову, грустно добавив, – Рюрик, он же Георгий, Юрий, тёзка основателя Москвы, сытно жил возле Ладога, городе Лады и её супруга Ладо, угощаясь от щедрот служения богу свадебных пиров, придумав себе символ-герб грифона, чудища с клювом орла и лапами льва, только спьяну такое могло понравиться. А потом купцы из Новгорода позвали его «ходить дозором» возле их золотого острова бирж и торговых гостей. Прямо по Пушкину, тридцать витязей прекрасных, с ними дядька Черномор. Не был он правителем! После его воспитанник Олег ушел на юг и власть в слабом Киеве, согласно арабским хроникам, Куябе, узурпировал, убив Аскольда и Дира. Но это уже совсем другая история.

– Революционная выходит история, – подытожил майор, – вы писали об этом? Разбирая слова на запчасти, до многого

можно докопаться.

– На запчасти, командир, я так чувствую, твой кирпич придётся скоро разбирать, – она ткнула пальцем в коричневое пятно пороха на его левом запястье. – Командир... Английское some one – продвигаться, зажигаться.

– Молодец!.. – оценил майор. – Похоже, пора нам познакомиться по-настоящему. Мобильная связь в центре с перебоями. Напишу мой номер вот тут, на бирке от полотенца. Напишешь завтра сама после обеда, где и когда. Мне и правда, понадобится твоя помощь. Последний вопрос – что с наукой?

– Официальная наука никогда не признается, что мы правы. Будет жечь наши идеи своим презрением, как Джордано Бруно. Хотя и сама понимает, что земля всё-таки вокруг солнца вертится. Но если не солнце вокруг неё, их диссертации, академические пенсии, конференции в Париже прахом пойдут. Не записывай номер на полотенце, примета плохая. Встретимся завтра. А номер мой сможешь запомнить, если скажу? Меня зовут Елена Кочетова, я работала на радио, вела программы про всякую всячину.

– В политике всячины много, – ответил он, – я тебя слушал. Честь имею. Михаил Келебдаенен. Следую курсом командования. Номер говори?...

И они обменялись рукопожатием. Как друзья. Через пятнадцать минут, запустив стиральную машину и жестоко отмывшись под кипятком душа, она провалилась в такой ка-

менный сон, где сновидения уже не поместились. А без восьми часов подполковник специального подразделения доехал по оранжевой ветке метро до гремящей соловьиными трелями верхней Яузы, вошёл в свою пустую квартиру на улице Менжинского и, как говаривали его боевые друзья, «упал, ударился головой о подушку и потерял сознание». На пыльный старенький рюкзак, брошенный в гостиной на диван, стекал лунный луч из западного окна. А на прямоугольник вылитого им света пристально смотрел глазок беспроводной видеокамеры. Оставим еёдохлый китайский аккумулятор разряжаться без особой пользы, ведь до утра ещё далеко.

Глава 4

«А зачем тебе это знать?»

– Ванька! Закрой дверь машины немедленно или выключи балалайки свои, сволочь! И так голова трещит... Брошу гранату, не доживёшь до своего конца света, – высунувшись из окна лоджии, она погрозила соседу лейкой. Война войной, а помидоры поливать надо. Зная разбойничий нрав миленькой девочки из 13-ой квартиры ещё по играм в классики и индейцев, упитанный мужик с трубкой во рту шустро прикрутил звук. Фольклорные завывания из динамиков его бесконечно ремонтируемого доисторического «Форда», без сомнения, возобновятся только после того, как хозяин машины убедится – Ленка слиняла из дома надолго, а не к овощному ларьку и обратно. О конце света упоминание тоже оказалось уместным: сосед в течение двадцати лет умудрялся подрабатывать лишь фотосъёмками для дорогих съёмных девиц, а своим жёнам морочил голову, что пишет книгу. Назвав труд «апокалипсисом от Ивана-дурака», он перегрузил текст таким количеством метафизических формул, что читать это не взялся бы даже психиатр. Эпизодически, обычно в связи с магнитными бурями, он развлекал подружку детства во дворе новыми откровениями о том, как к нему ночью приходил Николай Второй, повелевая выключить свет

в туалете, реже сигналы поступали от летающих тарелок. В остальном же удивительный сосед был нормальным и даже добрым парнем.

Убедившись, что помидоры напились вволю, а листва мниогорода на лоджии радуется сочной изумрудной мягкостью, Лена отправилась в ванную развешивать отстиранные за ночь от крови и грязи в машине джинсы, жилет и любимую трикотажную блузку. С кроссовками и сумкой, заляпанной чем-то жирным, она провозилась с полчаса, радуясь тому, что нашла чуток старого папиного одеколона, годного, разве что, отпугивать комаров. И вот, уже любуясь на дело рук своих, она уже собиралась было позавтракать, как вдруг раздался звонок в домофон. Ох, а так хотелось тёплого яичка.

– Кого там? – сняв трубку, она вложила в свой вопрос почти весь маршрут, по которому намеревалась послать бедного писателя-эзотерика. Ведь никаких других вариантов напроситься на утренний чай не намечалось.

– Лена, это Михаил. Из Гефсиманского сада. На лестницу выйди.

Рано утром майор проснулся в своей «брежневке» на северо-востоке огромного города словно от толчка. Люди с развитой интуицией, как кошки перед землетрясением, часто открывают глаза за несколько секунд до звонка будильника. Сейчас же, лёжа в собственной постели, он почувствовал, что около входной двери началось какое-то движение,

и почти сразу тихо и аккуратно в замочной скважине повернулся ключ. Мать вряд ли приехала бы с дачи, да и не стала бы она стеречься, чтобы не разбудить его. Наоборот, в молодости сама дама без комплексов, постаралась бы специально пошуметь, чтобы не застать врасплох тех, кто мог давеча задержаться у него на ночь.

Только змей смог бы так же стечь на пол и броском очутиться в проёме двери на кухню, не издав ни одного звука и не допустив ни единого шороха. В отличие от посетительницы. Несколько секунд он наблюдал, как женщина на высоченных каблуках сначала выскочила из них на пол, чтобы не топтать, а потом прямо в колготках босиком проскользнула в гостиную. Огляделась по сторонам и, увидев его рюкзак, кинулась расстёгивать пластмассовый замок.

– Здравствуй, милая! – сложив руки на груди, отчётливо произнес он. Вскрикнув, женщина отбросила от себя рюкзак так, словно это был колючий ёж, и сделала несколько шагов к окну. Михаил опередил её и загородил путь, а сама непрощенная гостя, оступилась, потеряла равновесие и села на диван. – Ты водички зашла попить или пописать? Вроде бы, ты всё своё вывезла.

– А-а... Я забыла косынку. Там, в прихожей. Она шёлковая, стоит сорок евро, – дунув на дизайнерскую чёлку, рыжеволосая молодая дама глянула на него с вызовом, но в глазах всё равно плескалась паника, – Всё, я пойду!..

– Сидеть!.. – попытка к бегству была пресечена закрытой

прямо перед её носом дверью. Раздвинув пластинки жалюзи, Михаил глянул вниз во двор и заметил белый внедорожник, на капот которого, с сотовым в руке, присел упитанный брюнет в дорогом светлом костюме. – Марин, про то, что главное в жизни женщины – это тряпки, будешь рассказывать новому спонсору. Что тебе у меня понадобилось, а? Соврёшь – пойму. А промолчишь...

Ловким движением он выхватил у неё сумочку и поднёс к окну. Ещё мгновение, поворот ручки, и дорогой аксессуар закачался на золотой ручке-цепочке на уровне десятого этажа. Для пушей убедительности изверг открыл замок и сделал вид, что переворачивает шедевр моды кверху дном.

– Ты, тварь лысая, нищеброд! – женщина заметалась, как лиса в силке, – тебе это не пройдёт даром, отдай немедленно... Не расплатишься!

Михаил перехватил её взгляд. Вот оно, дорогая. Вот оно. Бездумно, на уровне подсознания, она посмотрела именно туда, откуда ждала помощи. Не на окно, где качалась её сумочка с губной помадой испанской ручной работы и сотовым телефоном ценой в три его зарплаты. А на книжный шкаф с кучей безделушек, которые его мать-путешественница привозила с курортов. Жена, теперь уже бывшая, внезапно притихла и смотрела полными ужаса глазами, а по холёным подколотым нижним векам покатались крупные слёзы.

– Миша... Мишель! Пожалуйста. Отпусти меня. Вот, вот ключи, даже не думай, я больше не приду. Честное слово, ни-

каких претензий. Доченьку нашу хочешь, сама привезу матери твоей на дачу. Насовсем. Завтра. Адам не хочет, чтобы она с нами жила. У нотариуса сама отказ оформлю. Сама!

Ни единым движением не обнаружив своё смятение, он осознал: если в игре появились такие козыри, наступил критический момент. Но пока у него не было ни малейших предположений о том, за чем, собственно, идёт охота. Значит, и брать диверсантку в заложники нет никакого смысла. Что ей надо? Разумеется, содержимое рюкзака. Другую странность он заметил ещё раньше – во всей квартире был идеальный порядок. Даже ковёр в прихожей лежит на девяносто градусов к линии двери, хотя обычно сдвигается на бок сам вскоре после генеральной уборки, а мама постоянно ворчит, требуя его поправлять. И на полированных поверхностях почти нет пыли. То есть она есть там, где нечего прятать – на пустой тумбочке, например. Дверцы шкафов, фанеровка, даже тумбочка протёрты... Обычно уже через сутки-двое на них можно даже слова пальцем писать, сказывается атмосфера близости к автотрассе. А их с матерью в городе не было больше недели. После возвращения из Сирии и из госпиталя он заезжал сюда ненадолго только полить цветы. Определённо, в квартире кто-то побывал. Кто-то, кто профессионально, а не вор-домушник, что-то искал так, чтобы не осталось подозрения о взломе... Марина? Да ни за что разведённая женщина не станет наводить порядок в квартире свекрови. Но она однозначно что-то знает. И страшно боится, что он это

поймёт.

– Заявление пиши, – произнёс он, – на отказ от родительских прав. К нотариусу поедешь прямо сейчас. Вернёшься с бумагой, получишь сумку. Паспорт твой вот, забирай... Брелок с ключей отдам, раз он от Swarovsky²¹.

Глядя на майора с ненавистью, но уже торжествующе улыбаясь, дама поднялась, торопливо напялила свои невыносимые каблуки, алые, как её же испанская губная помада и была такова. Едва за ней захлопнулась дверь, у Михаила начался обратный отсчёт времени для решения трёх важнейших задач. В соответствии со статьёй 69 главы 12 Семейного кодекса оформить лишение родительских прав в добровольном порядке по причине «злостной неуплаты алиментов» можно без особых хлопот. Сплавив супругу, он убьет двух зайцев: избавит дочь от хронического нервного стресса появления этой куклы Barbie переростка, в которую превратилась нормальная женщина, едва из районной стоматологии подвизалась в частную клинику. А ещё выиграет время. Личинку замка он поменял за десять минут. Найти камеры и жучки числом пять, установленные под доской письменного стола, под фарфоровой крышкой антикварного чайника, в ванной и на гардеробе, таская за собой по квартире радиоприёмник с выпуском новостей, но не тронуть их, тоже не отняло много времени. Остаётся, наверное, минут сорок

²¹ Swarovsky – Сваровски, известная фирма бижутерии, знаменита изделиями из стразов и хрусталя.

пять... У нотариуса около метро «Бабушкинская» в это время народа не очень много.

Итак, теперь самое главное. Гостиная. Книжный шкаф. Статуэтка рыси из лунного камня. Вот она, шпионская техника, чуть правее. Всунута между двумя томами О'Генри. Ну-ка, киска, извини...

На заднем сидении белого внедорожника раздался многослойный мат. Глазок видеокамеры упёрся в классические мраморные ягодицы Афродиты, купленной в сувенирной лавке кипрского городка Пафоса. А трансляцию звука из квартиры заполнил глубокомысленный, но оглушительный диалог Владимира Соловьева и политолога Сатановского об Эрдогане и курдах.

Поведение супруги не оставило ему выбора. Её и предыдущий визиты, фаршировка его жилья атрибутами скрытого контроля ясно давали понять: у заказчиков этого безобразия много денег, но потратили они их на дилетантов. Козырный интерес сосредоточен в его рюкзаке. О великокняжеском кирпиче к настоящему моменту знали только двое – профессор Фролов и Лена. Кому и зачем он успел о нём рассказать? Эта тема подождёт до возвращения леди стоматолога, когда её можно будет прижать покрепче, хотя влечение к этому произведению искусства пластических хирургов он уже не испытывал. Лену как версию активизировать вряд ли стоит: её сообщники, будь они в наличии, могли бы с боем отнять содержимое рюкзака в тот момент, когда она водила

его по закоулкам заповедной Казённой слободы. Если только это не было тонкой инсценировкой!.. Но это голубоглазое чудо, волшебным голоском поющее про Рюрика и Ромула, – мозг преступной группировки, орудующей по древностям? Да быть того не может. Интуиция подсказывала ему: думать о новой знакомой можно как об участнике дела, но только не подозревать.

На данный момент методом исключения выходит, что профессор Фролов – ключ к пониманию причин и следствий. Пока всё сходится с предположениями аналитиков, изложенными в той самой синей папке с тесёмочками.

«Пяток жучков ещё куда ни шло... Но видеочамера, какие ставят жёны для поимки мужей с поличным с домработницами или на садисток-нянь по заказу родителей – частные детективы? Моя уже не благоверная вместе со своим пузаном – просто карикатурные персонажи, – размышлял Михаил, не мешкая, скачивая из смартфона супруги контакты через ноутбук на флэшку, – это никак не работа спецслужб. Те наблюдают, а эти толкотню затеяли. Не иначе, она начнёт торговаться из-за рюкзака, как только приедет с бумагой. Выходит, что тут действуют две конкурирующие фирмы. Как минимум... И пока они друг другу только мешают, из этой кучи малы надо выбираться».

«Вот, а теперь самое главное, – сказал майор сам себе и облизал губы, – сколько же ты стоишь сам по себе, если ворюжки не поспешили снимать кино? Что ж, идея хорошая,

мы её позаимствуем».

Примостив на графин включённый на видеозапись фотоаппарат, что за годы верной службы объездил с его матерью все экскурсионные маршруты в цивилизованной части континента, Михаил вытащил из рюкзака махровый кулёк. Лев, хватаящий зубами упитанного питона, был расколот трещиной примерно посередине вдоль длинной стороны кирпича. Внутренне попросив прощения у всех на свете археологов за вопиющее варварство, поднатужился и стал разламывать древнюю обожжённую керамику, как чёрствый хлеб. Не сразу, чуть раскрошившись, кирпич поддался и расколосся, как скорлупа, на две половинки, выпустив наружу тусклую старую бронзу, позеленевшую лишь с одного конца, обращённого к воздуху. «Игла в утке, утка в зайце...». Половина дела была сделана, но меньшая половина. Время, однако, утекало с удручающей скоростью. Продолговатый цилиндр толщиной с парниковый огурец с одной стороны как бы был закрыт крышкой. Припомнив из учёбы, что ходовая резьба на поверхности тел вращения была изобретена всё-таки позже эпохи русского возрождения, Михаил попробовал просто потянуть с одного конца. Крышка даже не подумала сдвигаться. В холодильнике как по заказу нашлась бутылка оливкового масла. Микроскопическим зазором оно, к счастью, пришлось по вкусу. Нажав ещё сильнее, ему удалось разъединить две части внутреннего бронзового саркофага, а потом пинцетом вытащить следующую часть матрёш-

ки – пакет из промасленной бумаги, скреплённый алой сургучной печатью. Но теперь уже не со львом, а двуглавым орлом с опущенными вниз крыльями. Символом византийской империи. Понимая, что соприкосновение с воздухом может быть для содержимого пакета весьма губительным, он моментально сунул извлечённое из-под спуда эпох нечто в целлофановый пакет, какие следователи используют для помещения улики и сразу же соединил пальцами его края. Теперь можно было подумать, как весь конструктор собрать снова воедино, скрыв следы вскрытия. «Пусть думают, что содержимое истлело от времени», – решил он, сжёг в пепельнице кусок газеты и засыпал в бронзовый тубус. Сургуч с бутылки фирменного коньяка пригодился для запечатывания металлического саркофага, а керамические половинки соединила изрядная порция клея «момент». Кажется, успел!..

К тому моменту, как на лестничной площадке раздался цокот шпилек, рюкзак с махровым кулём снова небрежно валялся на диване, а флэшка со всей информацией временно реквизированного смартфона соседствовала во внутреннем кармане парадного кителя майора с посланием древнего автора. Бывший муж встретил запыхавшуюся женщину, барабанила пальцем по косяку двери. В белой рубашке с военным галстуком на резинке он был неотразим.

– Отдай мои вещи! – резким движением она сунула ему под нос файл с гербовой бумагой, оформившей её свободу от материнских обязанностей, – у меня мало времени, ты по-

лучил, что хотел?

– Не совсем, дорогая, – ирония в ответ заставила её зашипеть от гнева, – нам ещё есть что обсудить, правда? Во-первых, в соответствии с изложенным тут изменением гражданско-правового статуса, ты к ребёнку не имеешь уже никакого отношения. Её, мой и мамы моей телефон я у тебя стёр. Это раз. Во-вторых, дверь ты без моей помощи открыть не сможешь, так что смыться не пытайся. А теперь, – он крепко взял её за локоть, – объясни, это что ещё за кинематограф, а? Кто мне тут насекомых развёл во всех углах?

– Каких ещё насекомых? – завизжала Марина, – Пусти, мне больно!

– Вот это что? – видеокамера, втиснутая между двумя томами О’Генри перестала снимать беломраморные бёдра богини любви, вид сзади, полетела на линолеум прихожей и была разбита каблуком военного ботинка. – Жучки!

– Миша, Миша... Успокойся, пожалуйста! – казалось, что убедившись в прекращении репортажа, неудавшаяся шпионка задыхалась свободнее, – кашне моё на вешалке в прихожей оставила специально, когда вещи забирала. Были со мной из службы безопасности приятеля шефа моего двое. Они поставили камеру... Им нужна была старинная вещь, сказали, ты с собой носишь! А мне деньги очень нужны, Миша, умоляю тебя, на операцию. Ну, пожалуйста...

– Тебе вот это нужно? – майор вытащил из рюкзака кирпич и показал бывшей супруге, на его счастье, универсаль-

ный клей оправдал ожидания, – а операция, надо думать, по наращиванию вымени? Да, ты ещё на колени пади! Хорошо, я отдам тебе этот хлам. Но при одном условии. Мы прямо сейчас едем за нашей дочерью, и чтобы духу твоего больше близко не было!

Через несколько минут, рыкнув двигателем, на улицу Менжинского выехал вишнёвый «Опель», на пассажирском сидении которого рыжеволосая ухоженная женщина изо всех сил пыталась подправить нарушенный суетой макияж, за рулём сидел бритоголовый загорелый военный, а сзади аккуратно лежал целлофановый пакет с завёрнутым в махровые полотенца кирпичом.

«Сестру я уже предупредил, дочь она вечером отвезёт за город, пусть проводит каникулы с двоюродными братьями, а не носит за матерью пакеты по бутикам, – размышлял Михаил по дороге, – операцию «детский сад» таким образом можно считать завершённой».

Он был зол чрезвычайно. Зол не той гневной мужской истерикой, когда педаль газа стремится в пол, а источник проблемы хочется просто придушить и бросить в ближайшем березняке. Эти эмоции, как правила, быстро стынут в запотевшей стопке водки или выталкиваются о боксёрскую грушу. Опытный разведчик вытерпел идиотский уровень «спецоперации», в которую втянули его бывшая супруга с её оборотистым дантистом только ради того, чтобы раз и навсегда закрыть семейный казус. Дочь-подросток буквально взвы-

ла, когда подслеповатая отечественная фемида по привычке «присудила» при разводе ребёнка матери, основываясь на том, что отец по долгу службы заниматься ей не может. В реально жизни юная девушка уже несколько лет росла в семье его родной сестры, овдовевшей вскоре после рождения близнецов, когда муж заснул за рулём и вылетел ночью на встречную полосу. Мудрая сестра взяла себя в руки ради сыновей и посвятила им жизнь. Мальчики росли славными и довольно быстро начали называть папой родного дядю, его, Михаила. Того, кто воспитывал. Белокурые, вихрастые, непоседливые, они впитывали науку самозащиты и справедливости жадно, быстро перестав развлекаться обычной чепухой, вроде бросания в унитаз карбида. Неуёмную энергию юной крови и азарт отлично поглощало участие в движении поисковиков и секции боевых единоборств. Поэтому и младшей кузине с ними было весело и безопасно. В прошлые выходные, взяв всю троицу поудить рыбу спозаранку на Истре, он был сильно расстроен, когда совсем не слезливая девочка вдруг порывисто воткнула лицо ему в грудь, и намочила ткань куртки своим стиснутым горем: «папа... я не хочу быть куклой, не хочу ногти каждую неделю переодевать. О чём они говорят, когда арт-дизайнер им локоны выкладывает, ты знаешь?.. Я хочу встретить парня, такого как ты. И чтобы любовь одна и на всю жизнь, как у нашей мамы с дядей Максимом. А мамаригиа когда ресницы завивала, учила меня, что внешность – это наш капитал, а замуж надо ходить столько раз,

сколько за это платят...». *Нагиамама*. Вот так, слившимся словом, братья и она называли его сестру. Ту, что не спала ночами, когда все трое хворали. Ту, что насмерть сцеплялась с учителями и приучила детей к тому, что любое развлечение куда радостнее, когда ты на совесть выполнил свою работу. Будь то домашнее задание по тригонометрии или скашивание травы у забора.

В тот момент он просто молча обнял её за плечи, баюкая, но дал себе слово вырвать милое чистое солнышко из гламурной помойки раз и навсегда. Сыновья, какими он считал племянников, порой откалывали такие номера, что даже его приводили в замешательство. Переделка старой газонокосилки в сапоги-скороходы с бензиновым двигателем, это вам как? Но официальное опекунство или усыновление в идеале надо было бы оформлять сразу для всех племянников перекрёстно, чтобы приёмные мать и отец появились у них одновременно, снимая все вопросы с выездом за границу всей семьёй и наследованием имущества. Идея была хороша, но леди дантистка упиралась во всё, что было нужно ему. Даже вопреки здравому смыслу, ведь при её-то обновившемся в светском режиме образе жизни бездетность была выгодна. Несколько раз он пытался заговаривать об этом, но всё без толку... А ведь той самой новогодней порой, когда пятнадцать лет назад он явился восстановить из руин сломанный зуб, кудесник-стоматолог, однокурсник одноклассника, по-мужски прямо и по-приятельски честно предупредил:

дил: не стоит овчинка выделки. Медицинская сестричка в опрятном белом халатике, легкая тонкая как снежинка, казалась Снегурочкой. Чуть кокетливая улыбка, рыженькая чёлка. Ну, ладно, лисичка с детского утренника... И что такого, что опытный врач чуть ли не учился за неё в третьем медицинском институте! И, вроде бы, ничего предосудительного в том, что она грустила, вынужденная покупать обновки не в созвездие бутиков напротив здания Лукойл, а в контрабандном сарайчике на деревенском рынке. Лучше сорок раз по разу, чем ни разу сорок раз!.. А как молодому специалисту ходить на работу целую неделю подряд в одних и тех же джинсах. Засмеют, презирать станут! Первый звоночек едко задребезжал, когда Марина почувствовала себя беременной. Ей, приехавшей из областного центра, совсем не хотелось вязать себя по рукам и ногам. Едва-едва сестре удалось уговорить «лисоньку» не совершать непоправимое, взяв на себя обязательство целиком освободить её от забот по уходу за малюткой. Скоропалительно выйдя из декрета, мать-кукушка стала вкалывать за троих, откупаясь от семейных дел заработками, на фоне которых его офицерское жалование выглядело неубедительным. А когда в моду вошла имплантация, заметно тесная дружба женщины с заместителем начальника департамента здравоохранения управы сначала обеспечила ей стажировку в Дании, затем и место операционной сестры в сети клиник эстетической стоматологии. Когда супруга попросила его сама о разводе, майор только усмехнулся, нахо-

дьясь в командировке, в какой форме она это сделала: написав его сестре в Facebook.

И вдруг, такой подарок! Файл с драгоценным документом освобождал всех от двусмысленного положения, его дочери обещал незамутнённое серой воспитание без керамических коронок и кукольных корон, как минимум лето на даче без необходимости играть при родной матери роль то камеристки, то личного секретаря для ответов на ненужные звонки и срыва раздражения... В зеркало над лобовым стеклом он посмотрел на заднее сидение. Дочь после пережитого стресса показательного-эстрадного расставания с родительницей сладко спала с улыбкой на губах, прижимая к груди её единственный ценный прощальный презент – ноутбук с терабайтом памяти, в потайном кармане портфеля которого лежала оформленная у нотариуса бумага. Тётка, услышав о том, что «вертихвостка» дала девушке «вольную», заплакала от счастья. Ну а Марина, ещё там, у ворот своего коттеджа, попыталась торговаться, однако очень быстро прикусила язык. Да уж, надо было её засадить на пару недель за незаконное проникновение в жилище, но цель оправдывает средства.

Это же счастье, Миша, счастье привалило! Словно зуб болел и вдруг прошёл. На работе его ждёт приказ о присвоении очередного звания. Вчера в разорванной чужой болью фиолетовой ночи полнолуния он увидел голубые глаза той, что снилась ему много лет. Так почему майор сосредоточен, как

в чужой стреляющей непроглядной тьме?

«Операция детский сад закончена. Но почему именно сейчас Марина решила выкрасть кирпич? Откуда пошла утечка? Допустим, моя мама могла видеть, как я его упаковывал в рюкзак, собираясь в Москву. Допустим, она во время уборки на мансарде на него наткнулась месяц назад и вспомнила, как после академии я попросил у неё махровое полотенце. Допущу, бывшая моя позвонила ей по невообразимой надобности именно вчера. Допустим, её шеф заинтересовался антикварными строительными единичными экземплярами, а она сообразила ему впарить часть совместно нажитого нами имущества. Это количество допущений приближает общую вероятность сценария к нулю. То, как они всё организовали с использованием видеокамеры, чтоб застраховать мою ненаглядную от уголовщины, позволяет назвать их операцию «детский сад». Получив от Марины отказ от родительских прав, я снял все претензии. Цель оправдывает средства. Но не снимает тему с повестки дня. Этот кирпич – моё сокровище. Если бы не он, хрен бы я обнаружил жучки в квартире. Да и в голову не пришло бы их искать». Он продолжал напряжённо думать.

Даже историческая загадка, связанная с находкой в подвалах Солянки, вызывает аппетит у кладоискателей, почерк его неудачливых похитителей не вязался со способом установки подслушивающих устройств в его квартире. Несоответствие не только показывало нос, оно орало во всё горло.

Говоря на понятном для Маринки языке одежды, как ситцевая юбка и унты. Камера видеорегистратора, привинченная к телеге с кобылой. Значит, у похищения с «семейными» силами есть второе дно. И оно его беспокоило так же, как и сам факт утечки информации о загадочном предмете, что никого не волновал с тех самых пор, как служил спудом квашеной капусты в коммуналке. Отдав «конкурирующей фирме» опустошённую ёмкость, Михаил получил в руки не только юридическую свободу своей дочери от тлетворного влияния светской дантистки, но выиграл самое главное – время и сведения. Контакты, файлы и переписку, а ещё фотографии из её смартфона, изучение заднего плана selfi на которых даст ещё и топографическую привязку. Пока же противник, снова вскрыв древний контейнер, обнаружит вместо «кашеевой смерти» пустышку с газетным пеплом, пока снова встанет «на лыжню», у офицера разведки есть фора поставить в известность коллег и выяснить, кому и зачем понадобилась траектория люстры в его квартире во время свистоплясок соседей сверху.

«Есть ещё одна тема, – решил он, сворачивая с Садового кольца на Мясницкую после того, как дочь расцеловала его на радостях ещё раз и нырнула в метро на Сухаревской, направляясь к тётке, – Лена. С ней надо объясниться до того, как начну давать показания и писать рапорты».

Что ж, читатель, отдав должное прочим жанрам, – иро-

ническому детективу с исторической подоплёкой и мелодраме, – переключим, наконец-то, скорость. Переходя на другой уровень, заметим всё же, что события в их развитии требуют и иного темпа повествования, переходя местами в ритм азбуки Морзе. Что ж, разве сама жизнь, порой, стряхнув созерцательность неспешного размышления у пруда за удочкой, не требует от нас напряжения и концентрации чуть ли не на пределе возможностей ума и органов чувств? Так вперёд, читатель, поторопимся, пока изумлённая Лена открывает дверь.

– Откуда ты узнал?.. – вызвав его немое одобрение, она закрыла дверь на замок и опустила ключи в карман брошенной ветровки. – Ну, привет!

– Леночка, прости, у нас очень мало времени, – в свою очередь, она не без удовольствия убедилась, что её вчерашнее впечатление о новом приятеле оказалось верным. Мужественные черты, умные внимательные глаза, гибкая сила ягуара в каждом движении, – мне придётся уехать, возможно, надолго. Чтобы ты не думала, как бы я забыл о предложении продолжить знакомство. Всё в силе, Лена. На твой вопрос – отвечу. Если бы ты не заорала на соседа на весь двор, свет в твоём окне на пятом этаже появился вчера через минуту.

– Да уж, вечер вчера не был томным, – журналистка постаралась сбить смущение, улыбнулась со всей искренностью и повела себя так, как её не раз выручал опыт ведения прямого эфира с трудными гостями: если собеседник не знает, с чего

начать, дай ему возможность собраться с мыслями. Пока же неси всё, что знаешь, всё, что приходит в голову. – Ты ведь по поводу бронзы решил меня спросить, да? Трещина в кирпиче нарушила его целостность, его можно просто с усилием попробовать разломить. Не получится раздавить, с помощью стамески... Печать потом соберём! А с бронзой – так. Вообще, мне профессор с химического факультета МГУ в своё время объяснял, что патина её облагораживает, повышает цену. Если же задача продать дорого не стоит, в магазине для художников должна продаваться паста для её очистки бронзы на основе олеиновой кислоты, аммиака и окиси алюминия тонкого помола. Будто бы такие пасты для антикварных изделий даже номера имеют. Какой именно требуется – не было пока времени выяснить. В советских магазинах эти средства были, в современных если не найдётся – можно попробовать снять оксид меди лимонной кислотой, затем аммиаком. А потом полировать мягкой тканью типа замши или тонкой кожи для полировки...

– Лена, Лена, остановись!.. – вполголоса сказал Михаил, обхватив её за плечи как там, на задымлённой платформе метро. – Это всё потом. Химию, сказки, шпионские игры оставим твоим коллегам. Сейчас и здесь ответь мне только на один вопрос. Если б тебе пришлось идти в разведку с незнакомым вовсе человеком, чьей рекомендации ты бы поверила на сто процентов? Знаю, что ты знакома с военными корреспондентами, даже политрука 58-й армии знаешь. Чи-

новники, депутаты. Много их. Но назови только одно имя.

Несколько секунд она молчала. Глаза... Два голубых прожектора в его душу вонзились, словно средства противоздушной обороны в ночное небо. Ни разу не мигнула, надо же! Военный разведчик, спокойно отвечая на вызов этих внимательных глаз, понял, что он не ошибся в своём выборе.

– А зачем тебе это знать, командир? – спросила Лена чуть иронично. – в серьёзных вещах я не доверяю никому. Обжигалась, понадеявшись. Поэтому поболтать про Рюрика и исторические загадки – всегда запросто, но дальше – трижды подумаю. Ты спас меня, по всем признакам ты явно не только в компьютерных сражениях поднаторел. А теперь что? Kleишь меня или вербуешь? Главное, для чего?... Искушаешь игрой в стиле Дэна Брауна, вопросами жизни и смерти. Развлечение для отпускника. Интеллектуальное упражнение? Мир спасать, надо думать, и без меня умельцев хватает. Причём по долгу службы, а не на общественных началах.

– Честно? – проговорил он. – Пока не знаю. Хочу разобраться. Если то, о чём я догадываюсь, подтвердится, ты могла бы помочь. Если согласишься быть завербованной. Кем, надеюсь, ты мне ответишь.

– То, о чём я догадываюсь, решается после подписания документов в зданиях с контрольно-пропускными пунктами, – произнесла она очень ровно, – что же касается рекомендации... Ты прав. На Донбассе ребята постоянно в контакте с

пресс-службами, уж тем более в Сирии. Но в том, от чего зависят вопросы самые серьёзные, жизни и смерти... Я доверяю гарантии только одного человека. Трижды генерала. Мы его зовём дядя Гоша.

Михаил кивнул, взял её тёплую ладошку и поднёс к губам. Больше ни он, ни она не произнесли ни слова. Просто посмотрели ещё раз друг другу в глаза, после чего он спустился на один этаж, сел в лифт и уехал. Распухая серыми грозовыми облаками, колдуя запахами сирени на бульварах, катился по Москве обычный июньский день.

Глава 5

«Тот, кого не узнают, станет богатым...»

Через десять минут. Прошло уже семь. За это время подполковник службы планирования специальных мероприятий успел подписать в кадрах нужные бумаги, пожать руку умнейшему всезнающему хранителю личных дел, помнящему, кажется, даже сканирование профпригодности кандидатуры Чичерина на пост народного комиссара иностранных дел. Архивист встретил его, как всегда, неуловимой улыбкой пронизательных серых глаз. Намекать он, опять-таки, как обычно, ни на что не собирался. Но предостеречь сумел, произнеся лишь одну русскую поговорку. Не было ни гроша, а вдруг алтын. И вот теперь понимай это, как хочешь... Ожидая, пока адъютант сделает ему знак войти в кабинет начальника, Михаил старался выкинуть из головы всё, что имело отношения к тому рапорту, с каким он пришёл. Однако, как он ни старался, перед глазами был фокус-переросток в компании с пальмой на фоне выкрашенных в персиковый цвет стен лестничной площадки. И взгляд, которым удивительная женщина с голубыми глазами, что в момент гнева или напряжения становились почти чёрными, взгляд, пойманный им снизу вверх, которым она его провожала в тот

момент, когда думала, что он уже не станет оборачиваться. В этих глазах была древняя, как жизнь человеческая на земле, тревога сестры, матери или возлюбленной за мужчину, уходящего из дома.

– Товарищ генерал, разрешите... – переступив порог, он обратился по уставу к седому невысокому человеку, сделавшему к нему шаг из-за стола.

– Да ладно тебе, Миша, вольно, отставить церемонии, – генерал Ольгин обнял старого боевого товарища. – рапорт твой прочёл. Чувствуешь себя как?

– Готов приступить к обязанностям немедленно. В тире выбил 98. По назначению врача – ещё неделя приёма стабилизирующей гомеопатии.

– Отлично, – генерал снял трубку внутренней связи, – свяжи меня ровно в час с Александровым. И машину за ним нашу в Шереметьево. Теперь, друг мой Миша, с тобой. Звёздочку твою обмоем, когда пыль осядет. Вчерашний теракт – не рядовая акция за деньги нефтяных арабов. Он был адресным, то есть погибли люди, которые случайно оказались попутчиками конкретного пассажира метрополитена. Устранение его физически трубой по голове, типа во время прогулки с пуделем устроителям не подходило. Пояс смертника с болтами – это подпись, знак для конкурентов, чтобы отпугнуть и отогнать. За чем именно идёт охота, тебе расскажет наш компьютерный гений Зиновий. У него и поинтересуешься, зачем пыль в твоей квартире стёрли местами. Да, чтобы

ты знал. Жучки – наши. Установили их так, чтобы ты быстро нашёл. В течение всего апреля к твоей квартире в Южном Медведкове стали проявлять интерес наши зарубежные коллеги. Не к тебе, это было бы ещё объяснимо. У нас есть все основания полагать, что наши заокеанские миляги начали атаку по тому плану, с которым мы тебя познакомили зимой. Широким фронтом.

– Разрешите вопрос... А кому из западных служб нужен мой линолеум?

– По предварительной информации, исполнителем является некий фонд Me Artur's, возглавляемый неприятной во всех отношениях дамой Джулией Стаж. Той самой, что добилась легализации канабиса в девяти американских штатах и активно занималась внедрением на рынок тетрагекабенола²².

– Наркота? – удивился Михаил – я уж понадеялся, что на мою двушку облизывается дедушка Сорос. Неужели дом стоит на их муравьиной тропке?

– Это только верхняя часть айсберга. Подробности навесили теме гриф особой секретности. Торговцы дурью выполняли грязную работу за господ с речки Потомак. Ты ведь знаешь, что ЦРУ – пионерский лагерь по сравнению с Центром стратегических разработок США, New intellect service agency, сокращённо NISA? Самая глубоко вкопанная спец-

²² Синтетические наркотики, приводящие к быстрому разрушению центральной нервной системы.

служба заокеанских друзей держит наркомафию на побегушках, не позволяя вытравить её целиком лишь потому, что та обеспечивают её стабильной агентурой. Как силой продавцов, так и из числа частично ещё вменяемых потребителей. Но это пока всё секрет Полишинеля. Ты мог не суетиться, выдавливая из бывшей супруги отказ от родительских прав. Она бы их и так лишилась, ведь вместе с боссом по уши в контрабанде того самого обезболивающего, от передозировки которого умер Майкл Джексон. Их бизнес на имплантации был ширмой трафика препаратов с особым колоритом воздействия на центральную нервную систему. Зайдя в твою квартиру за историческим кирпичом, они засветились с потрохами. По контактам смартфона были восстановлены связи. Как с фондом, так и путями переброски активных веществ через фармацевтические фирмы у нас. Заказ на кирпич эстетическая стоматология получила опять же от миссис Стаж, а та в свою очередь – от Низы. Будем их так называть.

– От Низы, – невольно повторил Михаил, – таких совпадений не бывает.

– Вот именно, – кивнул генерал, – надеюсь, ты не очень расстроишься? Твоя бывшая жена отправлена в СИЗО без права выхода под залог. Забрали её из особняка через полчаса после того, как она попрощалась с дочкой. Это было сделано не просто из гуманизма. Ребята дождались, пока она закончит данное ей поручение и замкнёт цепочку. Но теперь – к главному. Что фонду и господам с Потомака понадобится

лось у тебя в квартире. Ты удивишься... Они ведь ерундой не занимаются. Зато немалую часть наследства Annenerbe расщёлкали. И фигурами в перуанской пустыне интересовались, статья была об этом в National Geographic²³, и прогноз извержения супер вулкана в штате Вашингтон они делали. А вот что им у тебя на кухне было надо...

Открыв стеклянную дверь шкафа, как казалось, заставленного серыми однообразными томами энциклопедии, генерал приоткрыл и завесу тайны: корешки книг оказались самой обыкновенной голограммой, а на самом деле на полке стояли восемь одинаковых старинных кирпичей цвета терракоты с выдавленным на них великокняжеским клеймом. Лев, убивающий змею.

– Для расследования всех обстоятельств дела создана специальная рабочая группа, твой рапорт дополнил картину, – добавил Ольгин, возвратив иллюзию книжной полки на место, – отправляйся к ним прямо сейчас. Твоё сообщение о попытке профессора вовлечь в происходящее Елену Кочетову учтено. В качестве эксперта её рекомендовал и генерал Александров. Тут не всё так просто. В своё время всё узнаешь. Наши психологи отметили её выигрышные качества – неформатное мышление, цепкость. Быстро думает и принимает решения, сказывается профессиональный опыт ведения эфира. А там реакция нужна и выдержка как у пи-

²³ Журнал о путешествиях и биосфере планеты, старейший и популярный в Европе и мире.

лота истребителя. Есть ещё одно. Лена была однокурсницей фигуранта, подозреваемого в связях с NISA. У них общий научный руководитель – профессор Фролов. После твоего звонка с просьбой разобраться с происхождением артефакта он обратился сначала к некоему Олегу Гораеву, проходившему двадцать пять лет назад практику в Историческом музее. К своему дипломнику. Тот с восторгом согласился, но попросил отсрочку на неделю, сославшись на командировку по линии союза краеведов. За эту неделю, пока ты воскресал после контузии на даче, нелегал организовал проникновения в твою квартиру. Догадался, зачем? Дважды мы его наёмников намеренно спугнули. Тогда Гораев был вынужден «пропасть», а профессор – обратиться к третьему персонажу, работавшему вместе с ним над темой наследства Софии Палеолог. Доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института Алексей Шинкарев в понедельник оказался в больнице с приступом острой сердечной недостаточности, хотя раньше никак на здоровье не жаловался. Теперь складывай всё вместе.

– На мою дачу американские кладоискатели не вышли потому, что не знали о ней? Допускаю, что связи профессора они могли проследить, но ему я звонил с обычного проводного телефона из московской квартиры. А Лена?

– Разумеется, о Лене её бывший однокурсник помнил. Однако карьера в журналистике оторвала её от сферы их научных интересов. Уходя когда-то из-под распределения,

она подвизалась на пятом курсе в вычислительном центре Высшей аттестационной комиссии и перешла на вечернее отделение. Устранив учителя и соученика, о ней Гораев как о возможной конкурентке даже не подумал, пренебрёг как «выпавшей из колоды, напрочь растерявшей квалификацию» на другом поприще. Перезванивалась с профессором чуть ли не каждую неделю? Ну и что? Он регулярно приходил к ней в студию радио, рассказывая о проекте восстановления Сухаревой башни, снесённых церквях и средневековых слободах. А потом помогал ей в поисках работы.

– Дмитрий Валентинович. Это всё увлекательно и занимательно. Даже на бульварный роман потянет. Но причём тут мы?

Американская структура решила заработать на наших древних кладах, наркоты им мало показалось.

– Прежде чем ты присоединишься к рабочей группе, где потребуются и оперативные методы, прочти вот это, – генерал положил перед Михаилом тонкую папку из синего пластика с грифом секретности, – это написал твой сосед по общежитию в разведшколе. Он будет в Москве через пару часов.

Вечером того же дня Лена Кочетова отправилась в единственное место, где она гарантированно спасала душу от нервной системы. «Любите ли вы театр так, как люблю его я?» – известная каждому школьнику фраза из статьи Виссариона Белинского имела для журналистки очень личное зна-

чение. Раз попав за кулисы на день рождения главного режиссёра, незадолго до этого бывшего гостем её эфира, общительная и остроумная, она быстро завоевала доверие и симпатию актёров, мало кого пускающих в свой узкий круг, стойко держащих оборону против навязчивых поклонниц и «завзятых театралов». И в этот раз, заявившись прямо в буфет во время антракта, сразу оказалась в объятиях заместителя директора театра и художницы-декоратора. Красное вино мы предпочитаем в любое время суток! Произнесла дивный тост за день рождения приятельницы, пожелала ей неувядаемой красоты лесных нимф...

*Есть на белом свете место, где стихает бурь стихия.
Там хожу в обнимку с детством, часто там пишу стихи
я.*

*На Большой Садовой – дворик. С тёплым душкой
Бегемотом.*

*Где-то спрятан бедный Йорик, Аззелло пьет с
Фаготом.*

*День рождения... Когда же? Только вспомни – праздник
рядом.*

Маргарита снова скажет: будет всё у вас, как надо.

«Потом приходи в кофейню... давай залпом, третий звонок пора давать, тебя одну ждём!» Её пихнули на свободное место в партуре, оставляемое всегда на случай появления VIP-персон, в зале погас свет, заиграла музыка... Ли-

хая, яркая буффонада, задуманная ещё Марком Захаровым, в театре-музее в Доме Булгакова плескалась отчаянным огнём. Ко второму действию «Мастер и Маргарита» полнолуние уже наступило, и каждая произносимая реплика, луч лазера сквозь дымовую завесу наполнялись невидимыми тенями, вышедшим из параллельного мира смыслом. Ставший каноническим сюжет вибрировал энергией страсти и особой метафизической подлинностью... Не ожидавшая белого каления публика смотрела с суеверным ужасом даже на появившуюся из темноты женщину в первом ряду, что после требования конферансье сдать валюту порылась в сумке, громко ворча с одесским выговором, и вручила со смехом золотую банковскую карточку... Этого не ожидал даже актёр Андрей Курносов, беря у давно ему знакомой Ленки «валюту». Пустьшку, года три тому назад брошенную с рекламными целями в её почтовый ящик. «Погляди налево на поклоне, пришла специально ради твоей сцены, позже поговорим, у неё есть необычный аспект», – написала она в messenger исполнителю роли Иуды. Даже по тому, какие краски эмоций в совсем небольшой эпизод в этот раз вложил актёр Тимур Орагвелидзе, было заметно как приятельница задела его профессиональное любопытство. Не вождение красавца раздражившей его женщины, не обычный гон играл он на этот раз, христопродавец был едва ли не чёрен лицом, топя в искушении плоти своё отчаяние и обречённость. «А не будет ли мне с тобой скучно, Иуда?» – партнёрша за-

звонно хихикала, и это было явным диссонансом с более глубокой работой Тимура. А на поклон он вышел к самому левому углу сцены, оказавшись точно напротив Лены. Их взаимный воздушный поцелуй... И вздох облегчения зрителей. Подсадная, своя. Значит, всё-таки «пожертвованная» золотая виза – это инсценировка.

Любите ли вы театр так, как его люблю я? Получив свою карточку из рук администратора, искренне отбив ладоши и написав похвальный пост в Facebook, журналистка уверенно нырнула за кулису. Настроение у неё было лёгкое. Кровавый кошмар предыдущего вечера, странная встреча, разговор на лестничной площадке? Кто-то нервные стрессы глушит алкоголем, пробуя залить. Кому-то помогает доза снотворного и выключение сознания. Это в одном хорошем сериале называлось «заспать». У Лены был свой способна плохие эмоции надо нахлобучить как можно больше новых впечатлений, по возможности приятных и положительных. Память сплющит нижний уровень, как кубики в первобытной электронной игре «тетрис», и тем сохранит нервы от фантомных судорог пережитого. Театр – то место, где её всегда ждали, где она была «своей». Тонкие наблюдения, остроумные подказки – к её мнению прислушивались и режиссёр, и артисты в поиске зерна роли. Признавая за ней ещё и очевидные способности в своём актёрском ремесле... На этот раз, обсуждая в закулисной курилке, как маэстро Алдонин обыграл полнолуние в первом действии, тамошние обитатели ни сколько не

удивились, когда Лену из их тёплого кружка вытянул успешный переодеться Тимур. Парочка, о чьей симпатии уже шушукались, но пока не находили оснований для полноценной сплетни, уселась в первом ряду зрительного зала. Рабочие убрали сцену, по коридору мимо, улыбаясь, шли к выходу действующие лица и исполнители.

– Хотела тебе кое-что рассказать... – сообщила журналистка актёру.

– Ты меня заинтриговала, – признался он и выслушал внимательно и вдумчиво все её соображения о потрясении Низы после визита Афрания с сообщением о предательстве её молодого поклонника, о том, что тридцать сребреников нужны были предателю для обольщения красивой гречанки, явно тянувшейся душой к мирной проповеди философа. О том, что всё это есть у Булгакова, но режиссёры незаслуженно «выносят за скобки» мелкий, но многое объясняющий эпизод. Предательства любви небесной ради страсти земной. Земной любви, источившейся кровью за предательство.

– Конечно, режиссёры пишут актёрской игрой своё полотно, словно красками, но мне бы хотелось, чтобы ты понимал смысл, заложенный туда автором!.. – горячо сказала Лена. – Что меня ещё больше зацепило, так это то, что жена богатого торговца коврами Низа была гречанкой. И начальник тайной стражи, и Иуда говорят с ней по-гречески... А даже слово Христос – греческое, понимаешь? Она говорит фа ине плю-тос, то есть будешь богат. Ну а сам Иуда, когда два кинжала

вонзились в него, умер с её именем на устах. Предатель Христа предал его ради любви к женщине, а женщина казнила свою любовь ради любви к Христу. Она не контрразведчица, не агент Мата Хари, она была в гневе от его поступка. И в горе тоже. Перечитай главу!..

– Да, – задумчиво потерев подбородок, ответил артист, – интересно, да. Надо поговорить с Катериной Климовой, с ней можно экспериментировать.

Расцеловавшись на прощание во дворе театра, они пошли по домам. И в эту вторую ночь полнолуния никакое послевкусие тревог не потревожило её топкого, как болото, сна. Остро необходимого не столько ради штопки сил после случившихся треволнений, сколько ввиду испытаний дня грядущего.

Короткий двадцатый век начался 1 августа 1914 года с первой атакой первой мировой войны. А закончился в августе же. 1991 года. Эта трактовка некалендарного века принята уже большинством историков. Станет ли новый век, первый в новом тысячелетии, последним календарным, и укороченным до исторического минимума? Философствовать на эту тему Михаилу и его коллегам по рабочей группе было точно некогда. Группе, сформированной из сотрудников отделения «К» ФСБ России, управления планирования специальных мероприятий, СВР и кафедры исторической географии МГУ, в течение одного лунного месяца протяжённо-

стью в 29 суток предстояло найти решение головоломки, заставившей бы литературного профессора Гарварда из блокбастеров Дена Брауна слопать от зависти свой твидовый пиджак.

– Суть проблемы сводится, в общем-то, к простой дилемме, – стоя возле пластиковой доски с фломастерами, докладывал сутулый паренёк, кому бы в комедиях Гайдая дублировать студента-очкарика. – Спасёт ли род людской от космической угрозы система метеоритной защиты, созданная предыдущей цивилизацией, передерутся ли элиты крупнейших держав за контроль над сей доисторической ПВО? Или, мешая друг другу, не запустят штуку вовремя, то есть заблаговременно до рассчитанного древними астрономами вторжения в пределы земного притяжения астероида-убийцы. Концом света его явление обещает стать потому, что современные способы отслеживания слепы перед объектами, прилетающими с «дневной» стороны. Когда вам солнце в глаза слепит, вы булыжник, в физиономию летящий, разве что по свисту узнаете?

– Это политика – заметил аналитик, присланный внешней разведкой, – у наших партнёров, опереди они всех, появится рычаг влияния, сравнимый с ядерным шантажом после испытаний первого gadget. Только куда сильнее и с другим знаком. То они угрожали взорвать распространение большевизма, а в этом случае приобретут монопольное право именоваться спасителями Земли. Экспортировать демократию

можно с неодинаковыми показателями успеха. А тут – перья ангельские. Моральная диктатура прочнее всех прочих. Если же технология попадёт в руки исламского фундаментализма, страшно даже...

– Вот и не будем это воображать, – прервал его руководитель группы. – в докладной записке Верховному всё должно быть коротко и ясно. – ударит, если я правильно понял откровение папы Иоанна XXIII, возле Сиэттла? Дата предполагаемой катастрофы, – зимнее солнцестояние будущего года. А что у нас по линии церковных связей? Отец Ермоген, вам слово.

Михаил снова перехватил взгляд руководителя группы. Внимательный, тёплый, даже чуть виноватый. Но всё-таки не такой. Не подпиши он тогда, в марте, стандартную бумагу, наверняка бы без долгих раздумий бросился бы в объятия: «Сашка! Жив!» Уму непостижимо было другое. Этот человек был, и правда, как живой Сашка. В отличие от своей будущей напарницы, Михаил не актёр. Так минуи пуще всех печалей необходимость объясняться с этим «чёрным лебедем», сердечно приветствовать его как товарища курсантских бдений, поверенного всех мальчишеских тайн. Лучший друг жив, но он пока где-то за кулисами. Келебдаенен старший и настоящий Александр Дубровин, обнаружив планирование масштабной атаки на будущее не только родной страны, но и на безопасность всей планеты, разработали операцию «аквариум». Суть её была проста, как всё гениальное.

Глубокий кафедральный баритон священника, чей сан выдавали только тёмный цвет строгого костюма и аккуратно подстриженная борода, прервал его размышления. И его слова были ещё удивительнее «воскрешения» друга.

– По вашему поручению мы связались с департаментом внешних связей Ватикана. И вот какую историческую справку направил нам святой престол. В 1471 году племянница последнего византийского императора Константина, принцесса Зоя, была предложена как невеста великому князю Московии. В её сватовство закладывалась цель распространить влияние католицизма. Однако приданое беженке было дано весьма скромное – шесть тысяч дукатов. Зная о своём стеснённом положении, Зоя в качестве приданого привела, без спроса скопировав в архивах Сикста IV и своего воспитателя кардинала Виссариона, труды древних философов и, внимание, послание Иоанна Лествичника. Его в данный момент имеют право читать только понтифики. Это особый отдел их личной библиотеки. Поскольку ситуация чрезвычайная, копию документа к полуночи специальным рейсом будет доставлена в Москву. Смысл текста в том, что преподобный ссылается на неизвестный диалог Платона о причинах и следствиях конфликта между утонувшим континентом в Саргасовом море и тем, что сейчас покрывают льды Южного полюса. Вещь поучительная, но в данный момент важно другое. Философ, рассуждая о гордыне как о смертном грехе, указывает, что всемирный потоп – это была первая ги-

бель мира. Мира детей. Мы, стало быть, представляем собой уже мир внуков. А родителем, то есть создателем, планета была создана как детский сад с крепкой крышей в виде рабочего механизма, запускаемого в случае опасности извне. Дам всего одну цитату: «огорчение моё да не сбудется, одесную имея холмы спящие, но третьим ангелом разбуженные. Понеже спасутся все или никто».

– Отец Ергоген, вы говорили, что Ватикан готов предоставить нам чуть ли неограниченный кредит доверия, поскольку мы напали на змеиный след? – немного закашлявшись, произнёс Дубровин.

«Вот оно что, ещё и связки тебе подправили, чтобы голос не выдал, – подумал Михаил, – операция очень противная. Однако для крепости легенды нашим партнёрам все средства хороши».

Но неужели все члены группы – это кукольный театр? Священник бутафорским не выглядит».

Он снова ушёл в свои размышления. С тем, кто был невероятно похож на Александра, они перекинулись всего одной фразой. Повинившись, что свёрток с кирпичом он не уберёт, но понятия не имеет, как поступить с выцарапанным из бронзовой капсулы куском замши, он услышал в ответ: «да правильно всё ты сделал, старик! За работу теперь, скоро сам всё поймёшь». Тот, кто похож. Интересно, настоящий Сашка тоже уже полковник, как этот? Троян, слепленный с его бывшего напарника, сидел сейчас во главе длинного стола.

Сухопарый, седой. Что-то в нём появилось новое... Складывалось впечатление, что этот человек теперь одновременно имеет обзор 360 градусов, всё замечает, анализирует. Мысли чужие всасывает прямо из мозга, как мумия в фильме – жизнь из тел своих жертв. Опасная игра. За карточным столом всего восемь человек. Вот, например, аналитик. С виду симпатичный, добродушный. Наверное, таким и должен быть резидент разведки в том регионе планеты, где восточные дела тоньше всего. Генерал видит пользу от операции «аквариум» в том, что головоломку или пасьянс, puzzle или кон деньгами или фишками «делают» и враги, и друзья, и союзники, и эксперты. В общий котёл. По-честному. Причём стратегический противник уверен в том, что он держит всё под контролем, что он – вне подозрений. Стул из-под него будет выдернут, надо полагать, под самый занавес. А пока он даже в какой-то степени полезен, поскольку вроде бы как работает на себя.

– Прошу прощения за длинный экскурс, это необходимо, – заволновался богослов, – теперь я перехожу к изложению фактов и сути момента. Упорство Каифы, когда он потребовал от римского прокуратора освободить убийцу, но казнить Иисуса, было вызвано опасениями, что в Храм Соломона ворвётся по его призыву толпа непосвящённых. А именно там тогда хранилась реликвия, объясняющая запуск древней защиты земли от инопланетных угроз. Окажись в числе поклонников идей человеколюбия злоумышленники,

её бы похитили. После падения Иерусалимского храма при императоре Тите сокровище было тайно извлечено и перевезено в Рим. Там оно получило название венца царей земных. Появление у границ империи Аттилы вызвала необходимость нового перемещения, в стабильный и крепкий стенами Константинополь. Разорение византийской столицы крестоносцами ослабило державу, но не погубило – в который раз венец отправился в путь, в монашескую республику полуострова Халкидики. Настоятель монастыря святого Пантелеймона написал, что ларец с реликвией и манускриптами покинул его обитель ещё в 1485 году, согласно воле наследницы последнего Палеолога. Зои Фоминичны.

– Итак, венец – название условное, – встрял юноша с указкой, – а ларец с картой расположения источников излучения плюс инструкция – в Москве?

На парня шикнули. Открывать рот по уставу он ещё не научился. Но не на губу же его отправлять за несанкционированные рассуждения на тему?

– Если эта штука сработала над Челябинском, она работает, – заметил Михаил, – но в чём состоит риск, неужели в шантаже выведения из строя?

– Риск состоит в новом всемирном потопе, – с монашеским смирением сказал докладчик, – это не просто зеркала, спалившие во время Пунических войн римские корабли у берегов Сиракуз. Древний Архимед придумал схему нагрева земной атмосферы для сжигания в ней метеоритов разме-

ром с Ялту, а заодно и влияния на погоду на всей планете. Шантажом растопить льды и залить прибрежные города цунами, сжечь сельскохозяйственные площади и лишит свет солнца, целые страны можно держать в подчинении. Поэтому Ватикан встревожен. Появились сведения, что на след венца царей напала организация, ставшая наследницей древнего врага церкви. Да и не только её. Орден теодоритов был соперником тамплиеров ещё в конце XIII века. У них была цель – очистить человеческий род от скверны, наказать за то, что люди погрязли в греховных побуждениях *modus mentali* и пороках открытых – *modus vivendi*. «Да спасутся праведники» – это был их лозунг. Считая, что люди предали Христа, умеренные теодориты видели своей целью отделение овец от козлиц, создание «чистых зон» в виде городов при монастырях, а радикальное течение той же секты подняло на флаг уничтожение Содома и Гоморры и историю Лота. Проповедовали же они одно и то же: да погибнет Иуда, то есть падшее племя людское, пусть Низа, возлюбившая Христа более земного мужчины, подведёт хриstopродавца к пропасти и столкнёт туда. Для системы распознавания «свой-чужой» они использовали знак треугольника любви и предательства: большие и указательные пальцы обеих рук, сложив попарно, показывали при встрече... На рынках, в молельных домах...

Михаил при всей его выдержке почувствовал жар в затылке. А отец Ермоген, словно дав слушателям приглядеться к призраку древнего ордена и прожевать полученные све-

дения, отпил из бутылки воды и закончил:

– По имеющимся у Ватикана данным, в наши дни структурой NISA руководит некий магистр Иоганн Розенбоген, баварец. Он разделяет взгляды теодоритов о нужде в прополке населения земли с целью хирургического удаления развращённых сорняков. Он сам не опасный сумасшедший, а рассудительный и целеустремлённый негодяй, стремящийся к абсолютной власти. Окружив себя энергичными знатоками из разных областей знаний, грязную работу он осуществляет руками фанатиков, а средства зарабатывает на всё тех же людских пороках. Правая рука у него – это ИГИЛ, левая – фонд миссис Стаж. Обе организации запрещены в нашей стране, но их щупальца дотянулись и сюда. Их охота за венцом уже идёт.

– Утверждено рабочее название объекта – «венец». Хотя никакими тут коронами и не пахнет, – подытожил человек во главе стола, – лейтенант?

Максим, тот самый мальчишка с указкой, лейтенант из технического особого отдела Федеральной службы безопасности, по знаку руководителя их рабочей группы снова прошёл к доске. – Для простоты и понимания. Объект как конструктор состоит из трёх элементов, хранившихся в разных частях света. Ковчега завета, содержащего сведения и своего рода пульт. Так называемого меча Трои, то есть излучателя. И зеркала мира, похожего на нашу спутниковую тарелку. Во время второй мировой их активно искали гитлеровцы,

вовремя пущенные по ложному следу. Поэтому фюрер трясся над копьем судьбы и венцом короля Артура, хранящихся ныне под музейным стеклом в Австрии. Есть ещё некий таинственный ключ, о нём данных почти нет. Предположительно, он может храниться отдельно от всего аппарата.

– Разрешите? – слово взял аналитик. – Есть предположение, что четыре элемента были собраны воедино и использованы лишь однажды, в 1602 году. Послушник Чудова монастыря по незнанию врезал по вулкану в Перу, после чего на всей планете тучи пепла убавили солнечный обогрев, на Руси пять месяцев кряду лили дожди, сгнив на корню урожай, а на Яблочный спас на Москве-реке уже пошёл ледостав. В результате чудовищного голода, по различным оценкам, умерли до 120 тысяч человек, крестьяне кинулись в города, были отмечены случаи каннибализма. Хотя мудрый правитель Борис Годунов вовремя открыл царские и боярские кладовые с зерном, по тогдашним представлениям именно он был виноват «в каре небесной». В стране началась смута. Послушник, случайно узнавший о климатическом оружии, дающим власть над миром, бежал на запад. Магнаты Речи Посполитой признали проходимца воскресшим царевичем, поскольку он обещал отдать им венец. Но не смог. Сокровище вернулось в тайник где-то на территории древней Москвы. Послушника звали Григорий Отрепьев. Именно над этой темой работал в последние годы профессор Фролов. В ходе создания на территории Кремля археологической зоны,

закрытой стеклянной витриной под открытым небом, именно он извлёк восемь кирпичей из особой розовой глины с бронзовыми капсулами внутри. В семи внутри обнаружили лишь пепел, очевидно, содержимое оказалось утрачено из-за внешнего жара, но в одном учёные нашли прибор, состоящий из зеркал и линз. Рентген и углеродный анализ подтвердили – штукавина изготовлена великим Леонардо да Винчи из золота высшей пробы и горного хрусталя. Назначение древнего астрономического инструмента оставалось невыясненным до сегодняшнего утра. Маргарита Степановна, вам слово.

В тот год осенняя погода стояла с мая на дворе.

С зимой не справилась природа, снег выпал сразу в сентябре.

Так, при Борисе Годунове посевы сгнили на корню.

Лило пять месяцев. Отныне за беспросветную судьбу

Не зная о Перу, вулкане, народ правителя винил

За голод и свои страданья. Борис, мол, небо прогневил.

Михаил вспомнил стихи, которые Лена разместила на своей странице в Facebook, снабдив их пасмурной романтической фотографией Чистых Прудов.

Полненькая брюнетка возраста возни с внуками, одной своей улыбкой создававшая атмосферу уюта кухни со свежими булочками, посерьёзнела и надела на нос узенькие очки в золотой оправе, открыла блокнот.

– Мы изучили и расшифровали рукописную хартию, которую передал товарищ... – она смутилась, жалобно посмотрев на начальника, – простите...

– Позывной Михаил, – подсказал тот, – фамилия сложная. Продолжайте.

– Пергамен сохранился отлично. Сравнительный анализ с документами той же эпохи, хранящимися в ЦГАДА, архиве древних актов, подтверждает – это подлинный автограф Софии Палеолог. Собственноручно написанный ею текст на греческом языке зачитывать не буду, лишь суть. Великая княгиня сообщает, что венец владык земных хранится на Боровицком холме. Сила, в нём заключённая, сможет разрушить огонь, летящий от солнца и развести на земле райские сады. Казнь небесная обрушится на землю 21 декабря 2018 за час до полуночи... – заметно взволнованная, толстушка испуганно глянула в сторону полковника, передохнула, снова взялась за блокнот. – В одном из 14 кирпичей, в стены Чудова монастыря и Успенского собора помещённых...

– Прошу прощения! – встрял студент-очкарик. – Собор – каменный...

– Подkletь там кирпичная была, её разбирали, оттуда один из восьми, – терпеливо ответила дама, – если можно, на вопросы я отвечу чуть позже. – так вот, в одном из кирпичей содержится золотой ключ, что сработает на русских остановках страстного пути IXTY в час половины старой луны во Льве года, от стояния на реке Угре 537-го... Мы подсчитали,

это 17 июня текущего года, 11 часов 33 минуты 52 секунды. Легендарный русский страстной путь Христа был размечен монахами греческого монастыря Николы Старого ещё в XIV веке. В годы богоборчества все вехи были уничтожены. Но около четверти века назад тема Священной улицы снова зазвучала в краеведческих кругах... Простите за отступление. София Фоминична уточнила, что золотой ключ даст знаки последовательности символов фрески в подземелье церкви, в небо золотую свечу зажигающей. Под золотой свечой, как я понимаю, надо подразумевать колокольню Ивана Великого. Благословения её... У меня всё.

– Знаки последовательности, это что? – спросил человек во главе стола.

– Ну... – замялась историк. – это дословный перевод с греческого. Что на самом деле имеется ввиду, неясно. Это может быть кодовая фраза, какую надо сложить из появившихся слов. Цифры, ещё один ребус. Да мало ли!

Примерно минуту рабочая группа осмысливала услышанное молча. А Михаил буквально увидел в новом свете всю цепочку событий. Вытащив из кадушки с солёной капустой древний кирпич, юный суворовец спас планету. Услышав по телефону о новой находке, пожилой историк на радостях сразу поделился новостью с двумя своими бывшими учениками. А третью, что из науки ушла в журналистику, просто пригласил познакомиться с человеком, добывшим девятый кирпич. Девятый, с появлением которого вероятность сенса-

ционного открытия повышалась. И с этого момента начинался детектив в подозрительных кровавых пятнах. В результате террористической атаки на московский метрополитен в коме оказывается профессор. За четверть часа до предполагаемой встречи с владельцем артефакта. Гибель учёного должна была бы выглядеть случайной. В течение апреля квартира, откуда был звонок на кафедру краеведения и где предположительно находился кирпич, была очень аккуратно обыскана и взята под наблюдение. Любимый ученик доктора наук, Лёша Шинкарёв, спортсмен-горнолыжник, внезапно оказывается прикован к больничной койке с приступом острой сердечной недостаточности. Ядом ли его угостили или вкололи неизвестный препарат, пусть разберется следствие и судебно-медицинская экспертиза. Устраняет посвящённых, стало быть, кто-то из двоих оставшихся бывших студентов, дипломников Фролова. Но есть ещё два уточнения, которые надо бы получить оперативно.

– Можно?.. – он поднял руку, – мне бы хотелось прояснить два момента. Первое. Есть орден теодоритов радеет за чистоту помыслов, почему же он не брезгует при всём своём фанатизме, услугами торговцев наркотой? А второй – оставшиеся пять кирпичей. Тоже пустышки, или их надо найти?

– Начнём с философии, – ответил ему аналитик, – тут всё понятно. NISA покровительствует институтам порока, это верно. Зачем? Чтобы тайное, да стало явным. Чтобы те, кто пороку подвержен, не прятались по углам, а шли в конкрет-

ное место. В клубы с травкой, на гульбища. Где в последнее время совершаются террористические атаки, заметьте? На шоу и концертах рока, куда стремятся подростки, прочая публика без моральных ограничений. Дым и грохот на одной ноте. Грузовики врезались в толпу на рождественских ярмарках и в местах расслабленных прогулок туристов и горожан. Там, где люди не думают, отдыхают и нянчат свои дурные наклонности. Браки между однополыми – из той же серии. Теперь они на виду, а не имеют друг друга за плотно задёрнутыми шторами. Их проще уничтожить. Знаю, что вы скажете. В метро пассажиры никак в это логику не вписываются. Но и не должны! Эти теракты – не программные, а тактические. Убийство, спрятанное под маску теракта, уничтожение конкретного человека. Или атака на Россию, месть за действия против террора вообще или в связи с... ролью нового хранителя.

– Хранителя чего? – не вытерпел молодой лейтенант с указкой.

– Мировой стабильности, если хотите. Неподкупного. Неустрашимого. А, продавая порок, они берут с порочных деньги за их же устранение. Тихое самоубийство. *Le but pardonne les moyens*²⁴.

– Змея, кусающая собственный хвост... Это с эмблемы NISA. Эта змея заключена в треугольник, – подсказала экс-

²⁴ Цель оправдывает средства (французская пословица). Дословно – цель прощает средства.

перт-археолог, – устав теодоритов ещё в средние века разрешал членам ордена открывать публичные дома с той целью, чтобы подверженные тлену особи там и сосредотачивались. А потом посетители умирали от венерических заболеваний. Простите, это к слову... *Я* о кирпичах. Каждый из них представляет ценность. София Палеолог пишет о трёх тайниках, два мы уже обнаружили. Поиск остальных небезнадёжен. Ещё при закладке фундамента Петропавловской крепости из Москвы о них писала в своих мемуарах княгиня Мария Фаворская, жена сподвижника Петра. Муж её, кстати, происходил из очень древнего рода. Русские витязи в крестовом походе охраняли горные переходы... Отсюда и фамилия. А вот её портрет, кстати, посмотрите, какая красавица...

Она показала присутствующим фотографию портрета молодой дамы с высокой причёской. Тонкие черты лица, прозрачные светлые глаза. Михаил уже перестал удивляться. Княгиня была как две капли воды похожа на Лену. Ему начало казаться, при всём отсутствии в его сознании привычки как-то трактовать события жизни метафизической чепухой, что само провидение поставило их двоих рядом на линию огня. А значит – исход битвы с головным мозгом адского замысла – это вопрос жизни или смерти их обоих.

Не устал ли ты, любезный читатель? Отдохнём немного. Рекламы не будет. Её заменит толика широких мазков такой

банальной женской драмы.

...Лена проснулась утром даже не от того, что через окно спальни бил, словно нацеленный кем-то специально ей в лицо, яркий луч солнца. Ужасно болела голова. Очевидно, наконец-то аукнулась полученная в метро атака на барабанные перепонки. Любимое тёплое яичко, свежесваренный чай, пара бутербродов с плавленым сыром, таблетка обезболивающего. Отпустило. Часа с небольшим за ноутбуком хватило, чтобы расшифровать, то есть из аудиозаписи перевести в текстовый вид и отредактировать интервью для «Аргументов и фактов» с профессором биологии о факторах старения. Этой подработкой журналистка зарабатывала себе на жизнь. Там статейка, тут час мастер-класса... Смысл статьи был в том, что природа запрограммировала на старение всех млекопитающих, включая *homo sapiens*, три вида ядов. То, что в гомеопатических дозах было безвредно, при их хроническом увеличении вело к угнетению популяций, ослаблению или вовсе отсутствию потомства и вырождению. Бескислородный дым, смолы, никотин. Около вулканов, в зоне лесных пожаров жить нельзя. Или вымирай, или ищи новое место. Гниющие болота, забродившие фрукты, повышение спирто-содержащих веществ пищи. То же самое. А постоянная опасность от диких зверей или врагов? Нервное напряжение, адреналин эпизодически только на пользу для общего тонуса и боеготовности. Однако все болезни, как известно, от нервов. А старость – не диагноз, а лишь внешний признак накопле-

ния неблагоприятных факторов.

Переслав текст в редакцию через почтовый сервис, Лена захлопнула крышку компьютера и посмотрела на себя в зеркало. Гладкая бронзовая кожа и ясные голубые глаза, подтянутая спортивная фигура. Белокурые волосы? Она усмехнулась. Когда-то она была просто русой. Отросшие корни можно закрашивать реже, если ты давно приучила всех к имиджу блондинки. А на самом деле просто седая, как луна. Лет тридцать пять... А на самом деле уже через год ей будет пятьдесят. Ничто не выдаёт. Только арктическая пустыня, предательски смотрящая на мир из её глаз. И белый снег отросших корней. Ни семьи, ни детей, ни работы. Всё, чего она дождалась – предательства того, кого любила уже двадцать лет. Дважды он жертвовал ради своей карьеры сначала жизнью их не родившегося ребёнка, потом обрёл и её на этот холод. Марк, красивый и умный, тонкий и обаятельный. Но умеющий любить лишь своё спокойствие и удобство. Два года, почти два года она ждала, что вот-вот он вернётся из командировки в Среднюю Азию. Найдёт себе другую работу, оформит развод и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.